

АМФОРА

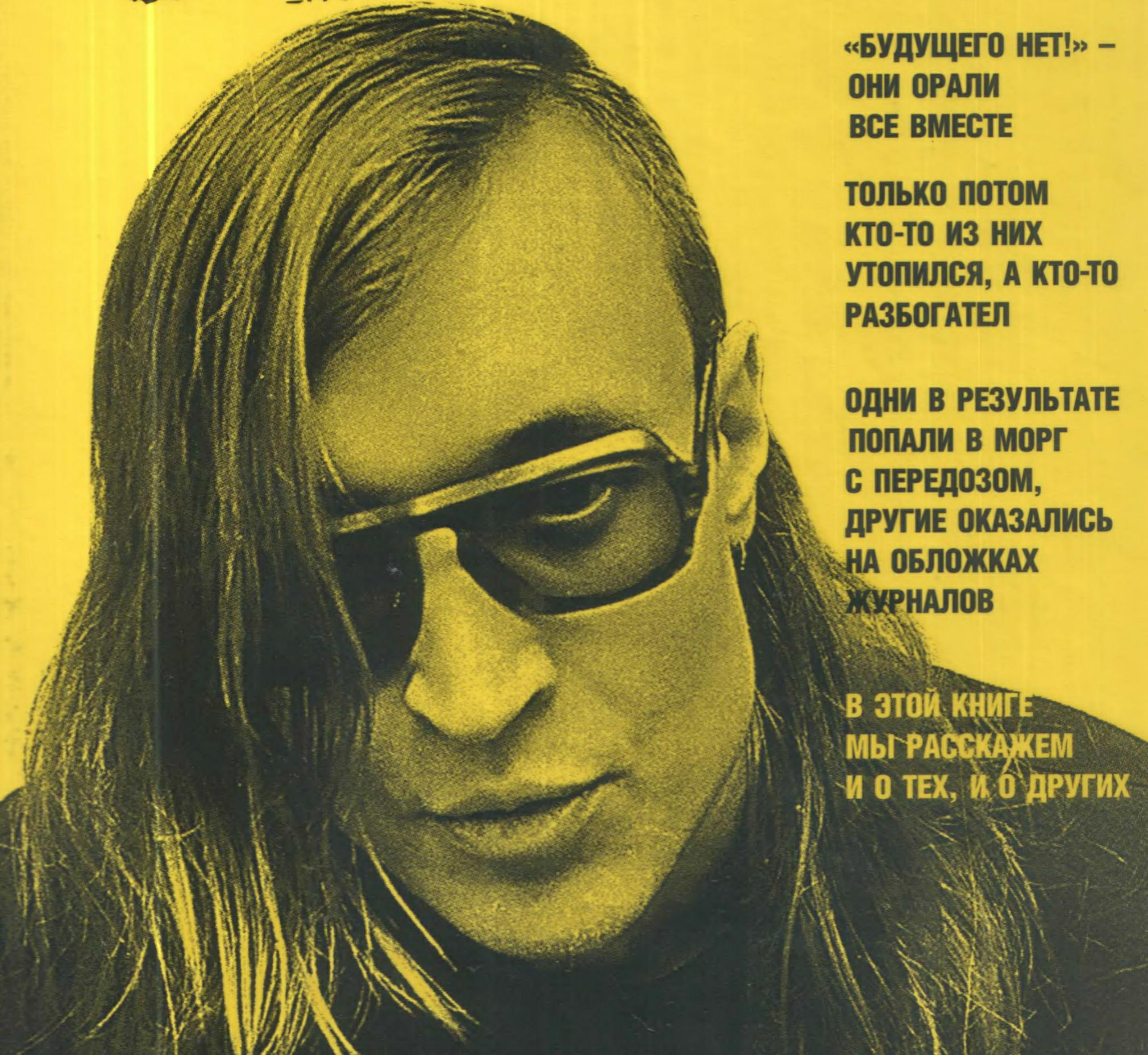
СТОГОЛОВОЕ

первая в России книжная серия, рассказывающая о том, что происходит прямо сейчас

АЛЕКСЕЙ РЫБИН, ВЛАДИМИР ТИХОМИРОВ И ДР.

АНАРХИЯ В РФ

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ РУССКОГО ПАНКА

«БУДУЩЕГО НЕТ!» —
ОНИ ОРАЛИ
ВСЕ ВМЕСТЕ

ТОЛЬКО ПОТОМ
КТО-ТО ИЗ НИХ
УТОПИЛСЯ, А КТО-ТО
РАЗБОГАТЕЛ

ОДНИ В РЕЗУЛЬТАТЕ
ПОПАЛИ В МОРГ
С ПЕРЕДОЗОМ,
ДРУГИЕ ОКАЗАЛИСЬ
НА ОБЛОЖКАХ
ЖУРНАЛОВ

В ЭТОЙ КНИГЕ
МЫ РАССКАЖЕМ
И О ТЕХ, И О ДРУГИХ

Часть 1
СВИН
1977-198

«Нейтральная полоса»

(Альбом группы

«Автоматические Удовлетворители».

1996 год)

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Я не то заканчивал школу, не то уже учился в институте. Точно не помню. Но рок-н-ролл уже слушал и вовсю собирал диски — виниловые, разумеется, и, разумеется, фирменные.

Достать такие пластинки можно было только на «толчке», который находился возле магазина «Юный техник» на улице Червонного Казачества. Это было единственное место в СССР, где даже в мутные брежневские времена купить можно было реально все.

Хорошая пластинка в хорошем состоянии стоила в районе пятидесяти рублей. Зарплата инженера составляла сто—сто двадцать. Сегодня о Советском Союзе вспоминают с ностальгией и умилением. Но лично мне никогда не нравилась страна, где на месячную зарплату можно купить себе только два с половиной часа хорошей музыки.

На «толчок» я начал ездить, еще учась в средней школе. Постепенно именно туда и сместились все мои интересы. Вместо того чтобы думать о будущем и, подражая родителям, строить карьеру, я думал только о том, что скоро суббота... и я снова смогу бродить между продавцами пластинок... пальцами трогать дикие яркие пластиночные обложки...

Платить пятьдесят рублей за пластинку первое время я не мог. Вместе с одноклассниками я начал с «демократов»: польских, югославских, ГДРовских, венгерских и чешских музыкантов. Эти диски стоили рублей по 15–20, и, экономя на всем, чем только могли, мы создавали свои первые коллекции. Но что такое была

польская группа «Скальды», если на том же рынке можно было купить «Led Zeppelin» и «The Doors»?

Именно с «толчка» были теперь все мои приятели. Компания получилась пестрая. В основном это были не меломаны, а чистой воды фарцовщики: люди, которые еще в СССР собственными руками построили себе крошечный капитализм. Очень быстро я тоже начал что-то продавать, что-то покупать для перепродажи.

Дисков хотелось иметь как можно больше, а денег вечно не хватало. Помимо пластинок, я торговал джинсами, парфюмом, жевательной резинкой и сигаретами. Сейчас все это выглядит безобидно, но двадцать лет назад за любую подобную операцию можно было схватить реальный тюремный срок. Парни постарше и покруче вовсю торговали аппаратурой: магнитофонами и проигрывателями. Единственное, чего в нашей тусовке никогда не было, так это валюты. За валюту можно было получить не срок, а сразу расстрел. В газетах об этом не писали, но всем было прекрасно известно, что именно за спекуляцию валютой расстреляли директора Елисеевского магазина.

А с Андрюшей Пановым, которого тогда все называли Лэйк, меня познакомил мой одноклассник и партнер по бизнесу Вольдемар.

...

— О! Это такой крутой мажор! — говорил Вольдемар, и джинсы, которые сшил ему знакомый ресторанный певец, развевались на ветру. Вольдемар любил очень широкий клеш. Сантиметров пятьдесят в лодыжке, я так думаю. В Америке в то время штаны такого фасона не про-

изводились. Уникальная была вещь, это точно. Как и многое из того, чем мы в то время располагали.

Например, именно наша компания первой в стране овладела технологией переклеивания «яблок» на пластинках. Операция несложная и прибыльная. В общем, конечно, мелкое жульничество, но забавно.

Состав клея и растворителя был изобретен тем же Вольдемаром. Пластинки, предназначенные для жульнической продажи, покупались в государственных магазинах. Стоили они два рубля пятнадцать копеек. А если смыть с них «яблоки» с надписями «Самоцветы» или «Цветы» и наклеить отделенный от оригинала лейбл «Pink Floyd», то продать пластинку-мутант можно было рублей за сорок. Проигрывателей-то на «толчке» все равно не было. Прослушать запись перед покупкой никто не мог. Вот такой бизнес.

Самое трудное заключалось в том, чтобы найти советскую пластинку с таким же количеством треков, как на западном оригинале. Ленинградские меломаны в те годы могли по памяти воспроизвести название всех песен на любом альбоме последних лет двадцати. И если количество дорожек на пластинке не соответствовало, то получить в бубен можно было прямо на месте. Поэтому мы предпочитали не рисковать, а менять «яблоки» на пластинках, где перерывов между песнями не было вообще. Скажем, на альбоме «Wish You Were Here» — ярлык в этом случае клеился на пластинку с записями речей Брежнева. Она стоила не два пятнадцать, а около рубля, и на Брежневе мы экономили лишний рубль: выдавая его за «Pink Floyd», зарабатывали не тридцать семь целковых, а целых тридцать восемь.

— Это такой мажор! — говорил Вольдемар. — Вообще крутой! Столько дисков дома!.. Коллекция!

Слово «коллекция» означало, что дома у незнакомо-го мне Лэйка находится пластинок двадцать, а то и больше. Познакомиться с таким человеком было большой честью. Время шло, но Вольдемар даже не собирался знакомить меня с крутым коллекционером. Зато понта ради ежедневно хвастался: мол, был тут у Лэйка. Заскакивал, дескать, по делам... И показывал новые пластинки, которые выменял у таинственного мажора. Пластинки были фантастические.

...

С собой взять меня Вольдемар согласился только через несколько месяцев. Лэйк жил в девятиэтажном доме, выходящем торцом на проспект Космонавтов. Мы поднялись пешком на шестой этаж. Вольдемар позвонил в дверь. Нам открыла бабушка крутого мажора. Она была маленького роста, седенькая и миленькая.

— Вы к Андрюше? Сейчас позову...

Бабушка сделала шаг назад и прикрыла входную дверь. Мы остались на лестнице. Я посмотрел на Вольдемара. Тот пожал плечами: здесь так принято. Внутри вообще мало кого пускают.

Андрюша Панов, он же Лэйк, вышел через минуту. Он был высоким, длинноволосым, в меру толстым парнем. Пузо придавало Лэйку вид человека спокойного и знающего себе цену. Взгляд его был хитроват и в то же время многозначителен. Лицом он и вправду очень походил на Грэга Лэйка — одного из моих любимых гитаристов, — да и стиль одежды был практически тот же. Узкие джинсы, приталенная джинсовая рубашка.

Джинсы были потертыми фирменными и очень замысловато скроеными. То, что это не самопал, как у Вольдемара, я понял сразу. На джинсы глаз у меня был наметан.

В тот день побывать в квартире Лэйка мне не удалось. Разговор состоялся на лестнице. Речь шла о вещах таинственных, для меня еще малопонятных. Звучали слова «табаш», «насос» и «пайта». Куда больше финансовых планов меня интересовало посмотреть на пластинки, но к коллекции нас так и не допустили. Вольдемар представил меня как «тоже любителя музыки». Андрюша хитро улыбнулся и пожал мне руку. На том и расстались.

Потом, через некоторое время (о, точно! я уже учился в институте! вспомнил наконец), Вольдемар как-то рассказал, что Лэйк — человек очень аккуратный. Обложки пластинок, чтобы не мялись и не пачкались, он обтягивает полиэтиленом. А полиэтилен у него как раз кончился и взять его негде. При советской власти полиэтилен в магазинах не продавался.

Главное, что можно сказать о советских временах, — они были тоскливы. В школе было уныло, в институте мерзко, на работе противно. Если кому-то становилось настолько противно, что он переставал ходить на работу, то его тут же хватали и сажали в тюрьму за тунеядство. Поэтому большинство граждан старались хоть как-то, но работать. А мы не очень старались. В общем-то, почти все, чем мы занимались, считалось криминалом. Ну, не до такой степени, как убийство или грабеж, но все равно, как ни крути, мы вели противозаконный образ жизни.

STAY

WHA JVA
VAD
STOIS
ZAVA

WHA JVA

WHA JVA

WHA JVA

WHA JVA

WHA JVA

Той осенью я учился в институте, который назывался втуз — высшее техническое учебное заведение. Правда, мы расшифровывали эту аббревиатуру как «Все Тупые Уже Здесь». Система обучения во втузе была следующей: один семестр просто учишься, а следующий — днем работаешь на заводе, а учишься по вечерней форме. То есть после работы катишь в институт и там сидишь две, а то и три пары. Единственным плюсом было то, что на заводе делать ничего особенного было не нужно — студент, он и на заводе студент. А зарплату, хоть и не слишком большую, но платили. Это было в любом случае лучше, чем стипендия.

Вынести с предприятия можно было все что угодно. Я, например, зашел на склад, кивнул учетчице, которая сидела за разбитым и загаженным столом, отмотал из рулона полиэтилена метров десять и спокойно вернулся в цех. В цеху мой наставник, слесарь со стажем, помог обмотать эти десять метров вокруг туловища, натянул на меня куртку, застегнул и проводил до проходной, которую я миновал без малейших трудностей. Андрей Панов безумно обрадовался стыренному мною полиэтилену. Мы тут же стали друзьями.

Егор Летов — лидер группы «Гражданская Оборона»

Однажды я напился и заночевал у приятеля. А с утра мы проснулись со страшного, разумеется, похмелья и пошли за пивом. Подходим — у ларька очередь. Стоят люди, все молчат, все ждут своего пива.

Мы тоже встали, и тут подлетает какая-то баба. Что называется — синявка. Пальто у нее надето на голое тело, а за руку держит ребенка. Она начинает бегать вдоль очереди и орать:

— Ой-ой-ой! У меня тут очередь прошла! Пустите купить — у меня очередь прошла!

На что какой-то мужик ей ответил:

— У меня вся жизнь здесь прошла. А я все равно стою!

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Да, забыл предупредить: времена, о которых я говорю, — это времена советской власти. Очень скоро она загнется и все будет по-другому, но тогда всем еще казалось, что Система непобедима, страна находится на пике могущества, и ничто не способно изменить нынешнюю жизнь. Все мы так и умрем, ни разу в жизни не послушав на полную громкость своих «Эмерсона, Лэйка и Палмера».

Советские законы были полным идиотизмом, но еще хуже было то, что стоит НАД законом. Общественное мнение. Правила игры, которым все молча следовали. Впитавшиеся в кровь представления о том, что можно и что нельзя.

О самой советской власти никто из нас не думал. Власть была далеко и нас не касалась. Иногда эту власть показывали по черно-белому советскому телевидению, да только кто из нас тогда смотрел телевизор? Куда омерзительнее далекой власти было то, что ты видел, просто выходя по утрам на улицу. Там бормотали, бессмысленно бродили, стояли, сидели, курили и искоса друг на друга посматривали люди, которые и были советской властью. Сидеть дома нам не давала молодая горячая кровь, а стоило выйти из дому, и ты видел тысячи глаз, изнутри освещенных одним и тем же общественным

мнением. На улицах, на работе, в метро, автобусах, кинотеатрах, столовых, у пивных ларьков — там была реальная советская власть. Тупая и бессмысленная. Скрыться от нелепых правил ее игры было невозможно.

Двадцать лет назад моя страна напоминала гигантский театр абсурда. Но что-либо менять никто, похоже, не собирался. Люди просто следовали заранее известным правилам. Вставать ни свет ни заря. Повиснуть на поручнях прыгающего автобуса. Постепенно протискиваться в сердцевину теплой, влажной, источающей запах «после вчерашнего» толпы. Через час оказаться на работе и до тех пор, пока не стемнеет, заниматься заведомо бессмысленным и никому не нужным делом. Ни о чем никогда не думать. Ничего не пытаться поменять.

Мы были молоды, и привычки к бессмысленному труду у нас еще не было. Мы слушали свой рок-н-ролл и плевать на все хотели. У Андрюши есть песня, которая так и называется — «Плевать»:

Тара. Пара-та-та-та тара. Пара-та-та-та-тара.

Пара-та-та-та-ту-ту-ту-па-па-па-па.

Тара. Пара-та-та-та тара. Пара-та-та-та-тара.

Пара-та-та-та-ту-ту-ту-па-па-па-па

Плевать!

Плевать!

Плевать!

Плевать!

Нам повезло. Мы услышали рок-н-ролл немного раньше других и полюбили его больше, чем другие. Отчего это произошло и почему на всех повлияло по

разному — я не знаю. Может быть, это какой-то вид патологии, только непонятно, у нас или у всех остальных. Я вот думаю, что у остальных.

Огромное количество наших приятелей, одноклассников, коллег по работе, соседей, просто знакомых — тоже слушали и вроде бы любили эту музыку. И сейчас, кажется, любят. Однако ведь исхитрились стать полноценными членами общества, влиться в трудовые коллективы, накопить себе всякого говна и радоваться жизни.

Говорят, что это тоже интересно — зарабатывать деньги. Типа что-то близкое к спорту. Не знаю. Я как-то зарабатывал — ничего интересного и адреналинового в этом не нашел. Хотя вот, скажем, с Андрюшей я познакомился как раз в тот период, когда он зарабатывал очень прилично. В его тогдашней ситуации не заработать было просто невозможно.

...

Если кому-то кажется, что я слишком много внимания уделяю заводам, советской власти и мужикам-работягам, то напрасно. Из этого на самом деле и состояла почти вся наша жизнь, как сейчас для ребят того же возраста она состоит из бутылочного пива, ночных клубов и CD-плееров.

Все было уныло, все было черно-белым и тоскливым. Даже красные транспаранты и флаги не делали улицы ярче. Осенью были желтые листья, а зимой и летом — синие небеса. Но стоит начать вспоминать то время — все кажется черно-белым. Правда, начало девяностых выглядит вообще черным, но об этом в другой раз.

На этом фоне квартира Лэйка выглядела дико и разноцветно. После кражи полиэтилена Андрюша наконец позволил мне пройти внутрь и рассмотреть коллекцию. Из мебели в его комнате стояли только гигантские колонки 35-АС — самые крупные на тот момент акустические системы. Кроме них имелись усилитель «Одиссей» (лучший из советских усилителей) и магнитофон «Маяк» (вещь в те годы дико престижная). А также десятки коробок с магнитофонной лентой и рядка пластинок, стоящая прямо на полу, — от одной стены до другой. Пластинки были все как на подбор западные.

«Chicago», «Blood», «Sweat&Tears», «Kansas», «Bachman-Turner Overdrive», Игги Поп, «Sex Pistols», «Rush», «Genesis», «Cridence Clearwater Revival», «Black Sabbath», Чик Кория, «Stranglers», Билли Кобэм и еще черт знает что. На первый взгляд — совершенно случайный набор пластинок. Трудно сказать, какую именно музыку любит слушать их хозяин. Хотя на самом деле ответ прост: он любит слушать хорошую музыку. Хорошую и разную. Сейчас такая же картина уже на моих полках. Столько разных дисков — черт ногу сломит, пока определит, что же за стиль я предпочитаю. Панк-рок? Блюз? Психоделию шестидесятых? Современный хард-кор? Арт-рок? Джаз?

В тот момент, когда мы с Андрюшей начали приятельствовать, он работал продавцом в магазине радиоаппаратуры. Оттуда были его колонки, и усилитель, и все остальное.

Это была чудесная эпоха. Для продавцов, конечно. Продавцами числились очень многие наши знакомые. Панкер, который сейчас преуспевающий менеджер

и вывел в люди сразу несколько легенд русского рока, начинал тоже за прилавком. Иногда мы приезжали к нему в обеденный перерыв. Пили пиво, слушали музыку и играли в настольный хоккей, который он специально для нас брал в соседнем отделе, где торговали игрушками.

Производство советской аудиотехники в 1970–1980-х переживало небывалый подъем. Благосостояние продавцов радиомагазинов росло невиданными темпами. Один мой знакомый как-то даже забыл зарплату получить.

— Слушай, а ты чего деньги не получаешь? — спросил у него заведующий.

— Какие деньги?

— Ты не наглай! Сходи получи зарплату!

— Неужели за эту прекрасную работу здесь еще и платят зарплату?! — искренне поразился приятель, у которого своя собственная маленькая зарплата происходила раз в десять минут.

Тогда в продаже появились те самые колонки 35-АС, тут же ставшие дефицитом, и первые отечественные кассетные стереомагнитофоны. Качество воспроизведения было по нынешним меркам устрашающим. Зато стереофонические записи теперь можно было делать не на бобину, а на крохотную кассетку. Магнитофоны мели с прилавков со страшной силой. Да и не было их, в общем-то, на прилавках. Все продавалось из-под прилавка, и продавцы с каждой сделки имели свой навар. Особенно приятно было иметь дело с грузинами. Те могли покупать технику сразу грузовиками и никогда не жадничали. Грузины ведь — очень музыкальная нация.

Андрюша тоже неплохо зарабатывал в своем радио-магазине. Общался он, с одной стороны, с откровенными мажорами, расфуфыренными спекулянтами, а с другой — с чудовищно выглядевшими меломанами. Его лучшие друзья — будущие первые панки СССР: Хуа Гофэн, Шмель, Юфа и Юфинсын. Чуть позже к компании присоединились я, Алкон, Витька Цой, Пиночет и Панкер. Но никаких ссор или споров никогда не было. Андрюша совершенно спокойно уживался со всеми.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

— Твое отношение к анархии?

— Анархия — такое же фуфло, как и любое другое движение, основанное на террористических актах и вообще на насилии. Анархия — это обратная сторона государства. С одной стороны, любое государство должно быть сильным и там должен быть порядок. А с другой стороны — лично я в рот ебал любое государство.

Хотя, вообще, — это смотря с какой стороны рассматривать... Кроме анархии, государству противопоставить-то и нечего. Потому что, как говорил Ленин, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. А анархия — это жизнь вне общества за счет общества, Чем я, собственно, и занимаюсь.

— Как ты считаешь, что в панк-роке более важно: музыка? текст? энергетика? драйв?

— Я никогда не делал ставку на текст. Кому-то втирать мозги — не солидно. Орать «Мы вместе!» — моральное уродство. Таких исполнителей надо вешать. Чтобы чему-то научиться, люди ходят в школу, чтобы послушать речь президента — включают телевизор. А на

концерт люди приходят, чтобы повеселиться. Кто-то дерется, кто-то блюет... И орать: «На танки!», «Вперед!» — полнейший дебилизм. Все русские рок-н-рольщики непременно хотят кого-нибудь научить или предостеречь. Но я лично считаю, что это дорога в никуда.

— *Зачем ты занимаешься музыкой, панк-роком?*

— Когда я начинал, то ни на что не рассчитывал: либо посадят, либо одно из двух... Единственная мечта была: чтобы у группы была своя аудитория. Например, где-нибудь в пивнухе. Сейчас группы начинают с мечтами о деньгах, о девочках (или о мальчиках)... А нас просто пёрло.

The image features a high-contrast, abstract graphic design. It consists of several large, solid black shapes of various geometric forms, including rectangles, triangles, and curved segments, set against a white background. The shapes are arranged in a way that creates a sense of depth and movement, with some overlapping and others appearing to recede. The overall effect is minimalist and modern.

«Рейган — провокатор»

(Альбом группы

«Автоматические Удовлетворители».

1987 год)

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

У меня был сосед выше этажом. Сейчас уже переехал. С детства в одном доме жили. Однажды он сказал, что у него одноклассник или друг учится в художественном училище имени Серова. И у них группа хорошая, три человека — «Палата № 6». Тоже как бы въехали в панк-рок, и все такое... Все очень здорово — типа дурака валяют. Я, говорит, к тебе их приведу.

А я как раз в это время свалил из Театрального института, ни черта не делал. Сидел дома, играл на гитаре, группу подыскивал. Сам до этого полгода как за гитару взялся. Забросил меломанство, купил аппаратуру.

Вернее, все началось с Монозуба, он же Панкер. Позже он стал крутым продюсером, и его все называли Панкер, хотя в наших кругах он всегда был Монозуб*. Он мне первым рассказал, что такое советский рок. Позвонил как-то и сказал, что у нас тоже есть подпольный рок: советские группы, которые поют на русском. А с Монозубом я познакомился, когда Юфа** привел его устраиваться на работу. Я тогда был работником торговли по радио- и телеаппаратуре, поскольку меломан. Монозуб тоже хотел попасть. Ну, как-то завелось знакомство, и один раз ночью по телефону он говорит, что есть такие группы, хорошие штуки пишут...

— Ты ведь стихи пишешь?

---

* Игорь Гудков. Продюсировал первые альбомы группы «Алиса», а в 1990-х занимался «Мультфильмами» и группой «Кукрыниксы». В советские времена папа Игоря занимал пост секретаря Ленинградского горкома КПСС по идеологии.

** Евгений Юфит — мэтр авангардного кинематографа, создатель и главный идеолог движения некрореалистов, обладатель нескольких престижных кинонаград и любимый ученик режиссера Сокурова.

Я тогда писал что-то. Думал, что это стихи.

— А играть умеешь?

— Нет.

— Как же так? Ты учись!

— Думаешь, получится? Они ведь, наверное, все крутые!

— Ерунда! Это очень просто — группу сделать. Соберем ребят и начнем!

Лия Петровна Панова — мама Свина

Мы переехали сюда, на проспект Космонавтов, в 1965 году. В школу Андрей пошел уже здесь. До этого мы жили на улице Рубинштейна. Там была наша с мамой квартира. Жили всей семьей в одной комнате: я, мама и Валерий — мой муж и Андрюшин отец. Потом уже, когда Валерий перешел работать в Кировский театр*, нам дали эту трехкомнатную квартиру. Андрюше было пять лет.

Это сейчас всего навалом, а тогда мы старались и игрушечку красивую достать, и костюмчик хороший. Все это было каждый раз маленьким праздником. Ему отец столько одежды присылал из-за границы — и джинсы, и все, что было самым модным тогда, в семидесятые. А он все друзьям раздаривал. Одежда его совершенно не интересовала. Он все постоянно раздавал. Придет домой и говорит:

— Мама! У этого мальчика такие рваные ботиночки! Давай отдадим ему наши, ведь у меня есть еще...

---

* Родители Андрея Панова — известные артисты балета. Уехав из Советского Союза, его отец стал солистом Бостонского театра, и его популярность в Штатах вполне сопоставима со славой Барышникова или Нуреева.

Денег он у меня никогда не просил. Даже став взрослым. В детстве он говорил так: «Мама, не могла бы ты купить мне мороженое? У нас есть на это деньги?» И таким он остался до конца. Никогда не говорил: «Купи мне это или то!..» Всегда только: «Как ты считаешь, можно ли?..»

Я хотела отправить Андрея в английскую школу, но маме было тяжело его водить. К старости у нее развился туберкулез в закрытой форме, и она сильно болела. А английская школа находится от нас довольно далеко — там, где учился Юфа...

Андрей пошел в самую обычную школу. Сначала в ту, что через дорогу — в десятилетку. Там он проучился год или два, а потом мы перевели его в 448-ю, которую тогда только что построили. Вот эта школа была неважная. В каком смысле? В том, что дети там были такие... более жлобские, наверное... а он был пухленький, хорошенький такой... приглаженный. И он очень не любил эту школу.

Как раз к этому времени Валерий уехал за границу. Это было, наверное, году в 1973-м. Заявление-то Валерий подал раньше, но его целый год не выпускали. И классная руководительница Андрея поступила очень некрасиво. При всем классе она вызвала его к доске и прямо на уроке начала говорить, что у Андрея отец — предатель. Дико неприятный эпизод.

Я пошла к директору и говорила: «Как же так можно?» А он отвечает: «Я, мол, все понимаю, Лия Петровна. Но не могу же я ее за это уволить. У нас и так учителей нет... Да и муж ваш, если откровенно, не куда-нибудь, а все-таки в Израиль уехал... Сами понимаете...»

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Во время записи «Пейте с нами!» оператор как-то попросил Свинью поговорить в микрофон.

— В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора. «Сейчас поедешь в Израиль», — сказала мне сестра. Вот через площадь мы идем — и входим наконец в большой, красивый самолет. Я понял: все, пиздец!

Я очень жалел, что магнитофон не был включен.

Лия Петровна Панова — мама Свина

Андрей после этого старался прогулять школу всеми возможными способами. Он убегал от меня и прятался в подвале. Я его провожу в школу, а он прямо от дверей сбежит и спрячется. Прогуливал. Ему там было очень несладко.

Я уже потом это поняла. Издевались над ним. Если бы он был физически сильным, хотя бы на уровне этих жлобов, он бы, может быть, и смог с ними справиться. Но он не мог. Он ненавидел школу.

Хотя вообще лет до четырнадцати это был золотой ребенок. На него все нарадоваться не могли. Никогда не нахамит, никогда не скажет против. Он ни с кем не вступал в конфликты, со всеми соглашался. Как-то ему делали уколы, еще совсем маленькому. А это ведь, в общем, больно. Он зажмурился, перетерпел, потом открыл глаза и тихо говорит врачу:

— Спасибо.

Потом, когда он вырос, я поняла, что все это было внешнее, а внутри ему очень многое не нравилось. Но он не хотел этого показывать, копил в себе.

В детстве он очень много читал. Очень любил сказки и постоянно просил, чтобы я ему рассказывала. Мы

включали музыку, и я начинала рассказывать. Он прибежал ко мне вечером и просил продолжения вчерашнего рассказа. А я просто делала такое ассорти из всех сказок, какие знала. Ну и сама придумывала много чего.

Мне часто приходилось брать его с собой в театр — на работу. Не с кем было оставить дома. Во время спектаклей он сидел за кулисами, и мне казалось, что ему там нравится. А уже потом, в одном из интервью его как-то спросили — мол, ты вырос в театральной семье, какие у тебя впечатления о театре?

— Самые отвратительные! — ответил Андрей. — Без конца замученные голые потные женщины...

Я отвела его в актерский детский сад. Он так плакал, так плакал... но меня все-таки заставили уйти — мол, обойдется, привыкнет. На следующие сутки он начал плакать уже с ночи:

— Мама! Не води меня туда...

Я все равно его отвела. А когда пришла за ним, воспитательница говорит:

— Знаете, наверное, не надо ему ходить в сад... Он не ест и постоянно ждет вас. Первый раз такое вижу.

Это было уже поздней осенью. Воспитательница рассказывала, что, когда все гуляли, он специально сел на скамейку и снял ботиночки. Чтобы простудиться. И простудился-таки.

У меня болела мама, а мне нужно было ходить на работу. И я отправила его летом в лагерь. Там вожатая сказала мне то же самое. Андрей целыми днями ходил вдоль забора и смотрел — не иду ли я за ним? Он не любил ни детские сады, ни лагеря... Но все равно приходилось летом отправлять его. У меня была работа, мама болела...

Он был очень домашним. Из Ялты, из шикарного лагеря Всероссийского театрального общества, он писал мне письма: «Мама, мне очень плохо, забери меня...» Поэтому, наверное, он из дома до конца так и не ушел. Пытался жить у своих женщин, но всегда возвращался.

Внешне он выглядел очень жизнерадостным. Но внутри у него, я знаю, все время была какая-то боль. Ему было необходимо как-то выплеснуть ее, но при этом никого не обидеть.

...

В школе он с трудом доучился до восьмого класса и пошел в техникум медицинского оборудования. Но, когда там сказали, что из всех выпускников в городе остается только десять процентов (а остальных отсылают неведомо куда), я его забрала.

Он перешел просто в медицинский техникум, и, мне кажется, именно там он начал пить. В школе он вообще не пил. Даже вина. А вот когда перешел в этот техникум — смотрю, один раз приходит домой не в себе... второй...

Потом он заболел, много пропустил, и снова я его забрала — уже из второго техникума. Родственники меня уговорили — давай его на завод. Там его, мол, исправят. От чего исправят?.. С этого завода мне его один раз вообще принесли невменяемого. Он работал фрезеровщиком. Это тоже ему явно не подходило.

После завода Андрей устроился на курсы продавцов радиотоваров. Вот тогда и началось его увлечение музыкой. А в детстве он увлекался марками. От ларьков, от магазинных витрин его было не оторвать... Я ему в этом очень потакала, покупала все, что он хотел.

А после курсов радиопродавцов пошло увлечение пластинками. Я помню, как Андрей с компанией ездил на рынок. Все эти диски, плакаты, облавы, погони дружинников... И он стал заниматься гитарой. Играть его учили какие-то взрослые ребята — сейчас я их в нашем районе уже не вижу. Он день и ночь просиживал дома, играл. Ну, тоже хорошо.

А дальше должна быть армия. Я его спросила — ты хочешь в институт? В какой? Он ответил, что пошел бы в театральный.

Он прошел первый тур у Кацмана — в одном потоке с Максимом Леонидовым, который позже собрал группу «Секрет». Все вроде стало складываться. Его вроде бы собирались принять. Но представитель партийной организации спрашивает — а как твое отчество? Валерьевич? А кем тебе приходится Валерий Панов? Андрей говорит — отец. И на следующем туре его зарубили.

Тогда у меня была очень хорошая знакомая — актриса из Пушкинского театра. Я очень переживала, а она мне говорит — не переживай, я тебя сведу с нашим режиссером Игорем Горбачевым. Поговоришь, может, он поможет.

Я пришла к нему с Андреем. На экзамене Андрей читал Франсуа Вийона. Комиссия удивилась — отчего такой мрачный выбор? Но когда Андрей после Вийона спел им «Ой мороз, мороз», они поняли, что с парнем все нормально. Горбачев прослушал и говорит:

— Вы даете мне слово, что он не подаст документы на выезд из СССР?

Я ответила, что это исключено. Он вообще за границу никогда не стремился. И Игорь Горбачев его принял.

Пока он учился, от отца ему шла официальная материальная помощь. Когда приходили сертификаты от отца, я старалась его приодеть. Но носить модную одежду он категорически отказывался:

— Мать, не покупай ты мне этого всего. Не на что больше деньги, что ли, потратить?

Все эти импортные вещи так у нас и висели в шкафу. Что-то я потом продала, что-то Андрюшка раздарил друзьям. Кожаный пиджак у него был, дубленка — во всем этом его никто ни разу не видел. Он любил только джинсы. Больше ничего не носил.

Хотя он был очень, как это теперь называется, стильным человеком. Потом уже, когда пошли концерты, он часами перемерял перед зеркалом свой гардероб. Андрей старался найти общий образ: чтобы каждая вещь соответствовала другой, чтобы в костюме была цельность. И это притом, что в сознательном возрасте он ни разу не надел на себя ни единой новой вещи. Но со своими старыми вещами и поношенными кедами он был очень стилист, очень вдумчиво подходил к своему гардеробу.

Он стал учиться в институте — вместе с Колей Фоменко из того же «Секрета». Уже к зиме они организовали свою группу. Фоменко часто приходил к нам в гости. А потом Андрей мне сказал, что играть все роли подряд он не хочет, а чтобы играть те роли, которые ему по-настоящему близки, — он не настолько талантлив. И бросил институт.

Как я только его не уговаривала!.. Я говорила: «Ну поучись еще! Получишь деньги, купишь себе аппаратуру, все, что хочешь!..» Вот сейчас посмотреть: Фоменко закончил институт и не играет в театре. Леонидов

закончил — тоже не играет. А Андрей — ни в какую. Взял и ушел. По слухам, он был первым, кто ушел из Театрального по собственному желанию. Всех прочих отчисляли.

Деньгами его было никогда не соблазнить. Он ушел с первого курса, с первого семестра, прямо перед сессией.

Учиться в Театральном институте, в престижном заведении. Да еще деньги из-за границы за это получать. Любой другой зубами бы вцепился, держался бы до последнего. У Андрея проблем с учебой и не было. Ему и держаться не нужно было — учись на здоровье. Нет. Не стал. Не захотел.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

Я поступил в институт, и тут на мои плечи падают полторы тысячи советских рублей — от папы. Мой папа свалил из страны в 1973-м. И по их правилам, если ребенок учится, — уехавший из страны родитель обязан оплатить ему обучение.

Конечно, я сразу купил всякого — барабаны там, три-четыре гитары... Все деньги, короче, на это ухнул. Взялся учиться играть и настолько заразился, что каждый день сидел с гитарой с утра до вечера. Сейчас фиг так сделаю.

Первое время мы играли с группой «Палата № 6». В Серовском художественном училище было две группы — одна «Голубые Монстры», а вторая — как раз «Палата № 6». В группе их было всего трое: Максим Пашков, Цой и еще барабанщик — не помню, как звали. Хороший барабанщик, кстати. Жаль, что не пошел по этой стезе.

Сколько-то времени мы прожили одной семьей, потому что все были бездельниками. Из художественного училища их почти сразу выгнали. Они там стали ходить в булавках, анашой воняло на всех этажах. Ну, учителя и педагоги смотрят: что это такое?.. кто-то подстригся, кто-то булавку нацепил... и решили всех разогнать.

Я ушел из института, а Цой ушел из училища. Как-то так получилось, что мы с ним стали главные бездельники. И жили рядом, у Парка Победы. Там сейчас его родители живут. Встречались каждый день. Тем более что у меня дома стояла аппаратура. Я тогда еще занимался пластинками, постоянно были деньги. Ну и выпивка была дешевая.

Цою родители всегда давали рубль в день. Сначала, когда скидывались, мы спрашивали — у кого сколько. А потом перестали спрашивать. «Давай твой рубль», — говорили. Все знали, что у него рубль. Собирались у меня. Пили, гуляли, дурака валяли. У меня тогда стояло, наверное, полкиловатта. Барабанные установки разные. Соседи, конечно, ругались. А что толку ругаться?

Пели песни Максима Пашкова. Цой в некоторых вещах был аранжировщиком. Он вообще-то был басист и сам тогда ничего не писал. Остальные парни из группы относились к нему несколько иронически. Цой был всегда очень зажатый, даже так скажу — комплексанутый. Потом Максим поступил в институт, и с Цоем мы остались бездельничать вдвоем.

«Праздник непослушания»

(Альбом группы

«Автоматические Удовлетворители».

1996 год)

Виктор Мазин — культуролог

Двадцать лет назад была идеологическая несвобода. Сейчас — коммерческая несвобода. Но между этими двумя несвободами успел появиться зазор, когда можно было бодро, весело и радостно делать то, что хочется. Евгений Юфит и его приятели, первые панки в СССР, не требовали для творчества вообще ничего. Хочешь петь? Иди и пой! Нет денег на холсты? Да и не надо! Иди и раскрашивай стены! Хочешь быть режиссером, но у тебя нет денег на дорогую 35-миллиметровую камеру? Снимай 16-миллиметровой — она стоит копейки!

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

По-моему, тогда мы еще учились в школе. И как-то решили сходить в кино — в кинотеатр «Планета». Там точно был я, был Андрей Панов и, по-моему, было еще несколько приятелей. Была зима, а денег на билеты у нас не было. И администратор говорит: «Знаете что, ребята, если хотите пойти в кино, то уберите снег». И выдал лопаты.

Мы начали разгрести снег, а сеанс приближается. Нужно было все сделать как можно скорее. Сперва мы скинули пальто. Потом стянули свитера. Потом кто-то первым снял и рубашку. Ну и в конце концов Панов разделся полностью. То есть совсем догола. И мы вслед за ним тоже.

Там были такие огромные витрины, и, помню, люди со всего кинотеатра сбежались посмотреть на голых ребят, лопатами убирающих снег. У них были вытянутые лица, они показывали на нас пальцами. Потом слышались крики:

— Милицию! Надо вызвать милицию!

На этой стадии нам стало уже не до кино. Мы кинули лопаты, похватали одежду и разбежались в разные стороны.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

На самом деле весь русский панк был придуман Юфой. Юфа был и остался главным панк-идеологом, а знают о нем так мало только потому, что он очень законспирированный — как Ленин. Всегда появится в последний момент... Говорит отрывисто... Тогда мы все находились под его влиянием. Никакие британские панки, никакой Джонни Роттен и Малькольм Макларен, здесь вообще ни при чем. Все, что сегодня называют русским панком, — это были чисто Юфины телеги.

Вообще, он очень заразительный человек. Своим психозом Юфа способен заразить кого угодно. Сперва он заразил нашу компанию, а потом отправился заражать киношников. Сейчас этот человек не вылезает из-за границы, ему дали студию на «Ленфильме», ссуду в банке и все дела... Теперь он снимает большие полнометражные фильмы. А начинал с того, что вместе с нами ходил по улице в белом чепце и очечках.

Один раз Юфа позвонил вечером и говорит:

— Ты знаешь? На Западе появилась группа каких-то кретинов типа нас. Называется «Sex Pistols». Сейчас по «Голосу Америки» передали одну вещь.

— Ну и как музыка?

— На «Slade» немного похоже.

— Ладно. Чего внимание-то на них обращать? — и повесил трубку.

Когда мы начали идиотничать, о панках никто еще и не слышал. На улицах нас сначала не трогали. Ну, идиоты и идиоты. А потом о панках вдруг заговорили со всех сторон. Стали появляться плакаты, «Sex Pistols» даже показали по советскому телевизору, и мы сразу стали типа главной компанией в городе. То в трусах зимой по улице ходим, то обвешаемся разными паяльниками-хуяльниками, или надеваем одежду не по размеру... разные глупости.

Как-то в газете написали, что панки обязательно должны носить булавки. Что тут началось! Все обвешались булавками, они, по-моему, даже в магазинах пропадать стали. Я помню, кто-то из дружков для полного идиотства стал носить военные галифе. Это в советские-то времена! А у меня тогда были здоровые клеши — финские вельветовые. Я взял их и ушил внизу. Получилось очень красиво. Сперва я ходил по улицам, и все только смеялись. А через три года смотрю — все в таких ходят: стало модно.

Слухи по городу ползут быстро. О нашей компании многие слышали. Бывало, что очень приличные люди хотели посмотреть на живых панков. Нас часто приглашали. Спрашивают:

— Ты панк?

— А? Да! Панк!

— Приходи в гости.

— А я с другом.

— Ну, приходи с другом.

— И выпить есть?

— Все есть!

Звоним в дверь, а сами обвешиваемся, булавки вставляем и тут же в темпе красимся. Помада-фигида, все такое.

Нам открывают.

— Это я с другом пришел!

— Ну, проходите.

И один за другим проходят человек восемь. Ну и начинается — раздевание, купание голыми... Весело!

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

«Sex Pistols» мы услышали на удивление рано. «Never Mind The Bollocks» (первый диск группы) вышел в 1977 году и в том же году почти сразу появился в доме Андрея. Это было чудо, но случайностью это точно не было.

Свежие пластинки в те времена на «толчке», конечно, появлялись. Но приходили они все-таки со значительным опозданием. Те, кто привозил пластинки из-за границы на продажу (например, моряки или дети дипломатов), предпочитали брать раскрученные имена. А о «Sex Pistols» в России никто и слыхом не слыхивал года до 1982-го. Тем не менее самая первая пластинка британских панков, пересекшая границы СССР, оказалась не где-нибудь, а именно у Андрея.

Помню, через какое-то время Хуа Гофэн (а может быть Юфа — точно не помню) принес вырезку из газеты с заметкой о панках. Именно тогда Андрей и сказал знаменитую фразу:

— У них появились такие же идиоты, как мы!

Какого-то резкого разворота Андрея к панку не было. Все происходило очень неторопливо. Просто из фарцовщика Лэйка Андрюша как-то незаметно стал панком Свиньей, и удивляться этому никто не стал.

Перед этим полтора года я считал себя хиппи и дружил с Геной Зайцевым — главным гуру всей ленинградской «Системы». Ходил с длинными волосами, в разваливающихся джинсах и дикой куртке. При этом все вечера я проводил в квартире Свиньи.

Он долго на меня смотрел, молчал и никак не комментировал мой внешний вид. Но потом не выдержал:

— Спорим, что ты через полгода бросишь эту фигню?

— Да что ты? — возмутился я. — Никогда!

— Ага. Ну, спорим?

— На что?

— На ящик шампанского, — сказал Свин.

Ящик шампанского я Андрюше так и не проставил. Через месяц я уже ходил в булавках, коротко стриженный и притоптывал в такт ногой, когда Андрюша пел дома только что сочиненную песню «Гена Зайцев — идиот».

Гена Зайцев, ты мудака,
Право, ведь нельзя же так...

Кстати, творчество БГ Андрей тоже не любил. Он называл Борис Борисыча «Гробощенковым» и морщился, когда мы с Цоем подбирали на гитаре песни с только что вышедшего «Синего Альбома». Но он никогда никому и ничего не запрещал. Если уж ты попадал внутрь его квартиры, то дальше мог любить любую музыку и любых исполнителей.

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

Андрей Панов собрал первый состав «Автоматических Удовлетворителей» в том же году, когда я открыл собственную киностудию «Мжалала-фильм».

Съемки нашего первого фильма проходили в большом многолюдном дворе в центре Ленинграда. Была инсценирована драка на помойке. А в главной роли снимался манекен по кличке Зураб. Через двадцать минут после начала съемок всех участников отконвоировали в ближайшее отделение милиции.

С этим Зурабом потом постоянно были проблемы. Уяснив, что нормально снимать в городе нам не дадут, мы стали ездить на съемки за город. Манекена разбирали и складывали в большую сумку. Но по пути, в электричке, кто-нибудь обязательно эту сумку расстегивал, и пассажиры видели, что там сложены части тела: руки, куски груди... А актеры еще и начинали специально разговаривать между собой типа: «зачем же ты его расчленил-то?» или «когда снова на дело пойдём?».

Кончилось тем, что мы стали снимать сцену, во время которой скидывали этого Зураба с моста. И всех нас арестовали. Милиционерам было не видно: живой там человек или манекен. Они отвезли нас в отделение, изъяли пленку, а когда посмотрели, что там отснято, то было принято решение отправить нас всех в сумасшедший дом.

Константин Митенев — кинематографист

Съемки обычно проходили так. Мы просто садились в поезд, ехали куда-нибудь за город и начинали что-то снимать. И параллельно — пить. А когда воз-

вращались, то на выходе из электрички нас обыкновенно уже снимала милиция, упаковывала и увозила в вытрезвитель. Потому что все были абсолютно пьяны, ничего не соображали и вытворяли такое, что волосы дыбом.

Евгений Юфит (Юфа) — кинорежиссер

Разумеется, показывать наши фильмы было негде. Да мы на это и не рассчитывали. А когда показывать наконец стали, то каждый раз это заканчивалось скандалом. Все было: драки в ресторанах, битье посуды. Каждый раз это напоминало что-то такое... футбольный стадион.

Администрация залов очень быстро выучила, к чему приводит демонстрация моих фильмов. Каждый раз она заранее заказывала пикет милиции. Стилистика у меня давно сменилась, никаких скандалов давно нет. Но оцепление милиции стояло вокруг Дома кино и во время моей последней премьеры.

Александр Аникеев — актер

Помню, был просмотр в Доме композитора. Ну и в общем, дело закончилось скандалом. Там показывали то ли «Мочеубийц-трупоголовов», то ли «Санитаров-оборотней». И дело дошло чуть ли не до драки. В зале в основном сидели какие-то молодые композиторы... такие подрастающие... и они долго возмущались: что за хулиганство?! что вы нам тут показываете?! Нагло так говорили и лезли на конфликт. Всё прыгали, насккивали... Но потом пришел наш приятель Игорь Безруков. А он — довольно большой мужчина. И в общем, конфликт погасили. Когда композиторы его увидели, то просто сели и замолчали.

Константин Митенев — кинематографист

Году в 1986-м из Ленинграда в Вятку отправился «культурный десант». Были приглашены Юфит со своими некрореалистами и две группы: «Дурное влияние» и «Автоматические Удовлетворители». Поехали на поезде, но уехали недалеко, потому что в Тихвине всех нас посадили. И где-то там спяну были потеряны наши сопроводительные документы.

Но до Вятки мы все равно добрались. Выступления проходили в главном кинотеатре города. Все набились в кинорубку и стали крутить наше кино. Это и для Петербурга-то в те годы было чересчур. А в Вятке кто-то просто вызвал милицию. Мы сидим, смотрим на экран, вдруг вбегают милиционеры — целая толпа.

— Кто такие?

А сопроводительных документов нет! Никто толком не может объяснить, кто мы такие. Причем выглядим мы все довольно стремно, а на экране творится и вообще жуть — просто какие-то чудовищные вещи. И милиционеры понемногу понимают, что накрыть удалось целую банду.

Они говорят:

— Вы кто?

— Мы киногруппа из Ленинграда.

— У вас вообще никаких документов нет?

Все стали рыться по карманам. Померанцева нашла свою трудовую книжку. Ну, слава Богу! Хоть какой-то официальный документ! Милиционеры открывают ее, а там написано: «Ночная уборщица в бане». Странно, что всех нас прямо из кинотеатра тогда не отправили в тюрьму.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Андрюша моментально собрал огромную коллекцию пластинок с панк-роком. И в течение нескольких лет эта коллекция была лучшей в стране. Свин слушал музыку, о которой остальные меломаны и понятия не имели.

На «толчок» мы всегда ездили вместе. Но Андрей как-то исхитрился увидеть нужные диски там, где остальные даже не останавливались. Игги Поп, «Public Image», «Stranglers», «Clash», «ХТС», Патти Смит, «Ramones» — всех этих исполнителей лично я впервые услышал на дорогом Андрюшином проигрывателе.

Через несколько лет «толчок» непонятным образом легализовался. В стране начинались другие времена. Все, что очень долго существовало в подполье, стало понемногу вылезать наружу. Часть рынка так и осталась у «Юного техника». Там продавцов и покупателей по-прежнему прессовала милиция и грабили гопники. А часть переместилась в Дом культуры имени Ленина и получила официальную регистрацию как Клуб филофонистов.

К тому времени панками были уже все члены нашей компании. Именно тогда Свинья и его приятели разработали стиль, который русские панки используют до сих пор. Никаких курток-косух и кожаных штанов — откуда в советской России взяться косухам? Никаких экстравагантных сапог и футболок с матерными надписями. Мы одевались исключительно в одежду массового советского производства. Просто больше было не во что. Однако даже в этой одежде взгляд все равно цеплялся за нас в любой толпе.

Свин иногда ходил в самодельном цилиндре и коричневом фраке с фалдами до пят. Пиночет носил белую куртку с нарисованным на спине «битником», танцующим буги-вуги. Юфа любил докторские белые чепцы с красными крестами. А я ходил в клетчатой, будто сшитой из разноцветных лоскутков, куртке, которую на что-то выменял у Андрюши. Все были хороши, все были живописны.

Какое-то время к нам даже гопники не привязывались. Завидев нашу компанию, они делали круглые глаза, шарахались в стороны и шипели, что таких мудаков еще не встречали. Милиция тоже поначалу не понимала, что происходит. Потом, когда сверху пришли разъяснения, что, мол, кроме волосатых хиппи, опасность для общества представляют еще и стриженные панки, — только тогда помаленьку начали хватывать и нас.

Большую часть времени мы проводили в Клубе филофонистов. Там мы находили все музыкальные новинки, там же и зарабатывали какие-то деньги. Время от времени на пару со Свином мы скупали все бродящие по рукам пластинки какой-нибудь одной группы, становились монополистами и взвинчивали цены. После чего пластинки тут же продавались, а прибыль шла на сухое вино. Этот напиток в начале 1980-х мы предпочитали всем остальным видам алкоголя.

...

Если уж вспоминать о сухом вине, то нельзя обойти нашего друга Майка Науменко из группы «Зоопарк». Майк неожиданно для всех очень подружился

со Свиньей. Оказалось, что папа российского ритм-энд-блюза был не прочь послушать реальный панк-рок и как следует оттянуться в головном офисе отечественного панка — дома у Андрея на проспекте Космонавтов.

Кроме сухого вина, Майк тогда ничего и в рот не брал. Правда, некоторое время спустя он увлекся фирменным напитком «чпок». Майк очень рекламировал «чпок» в панковской среде, но напиток у нас так и не прижился. Свинья считал, что процесс приготовления «чпока» хоть и несложен, но все-таки несколько суетен.

Мы ездили в Клуб филофонистов, покупали и выменивали там кучу новых пластинок, а потом, выпив в ларьке возле Дома культуры имени Ленина по паре кружек пива, ехали домой к Андрею. У него была самая лучшая аппаратура, какой не было ни у кого из нашей компании. Там все пили вино и вместе слушали новинки. Удивительно, но сильно никто не напивался. Даже три-четыре бутылки на каждого из строя не выводили. Сейчас такое трудно себе представить.

Майк все пытался сбить нас с толку своим «чпоком», который приготавливался так: на половину рюмки водки половину газированной воды. Рюмка плотно накрывается ладонью и изо всей силы ударяется доньшком о колено. Напиток мгновенно вскипает — тут его и надо глотать. Действует как удар кувалдой в лоб. Три-четыре «чпока» — и ты готов свалиться под стол.

Быстро напиваться нам не хотелось. Наоборот! Нам хотелось сидеть и слушать. И ставить все новые плас-

тинки. И пить вино. И опять слушать эту музыку. И чтобы этот день не кончался никогда. И музыка чтобы тоже никогда-никогда не кончалась...

Лия Петровна Панова — мама Свина

После Театрального института Андрей много где работал. Разносил газеты, приходил с черными от типографской краски руками — полдня не отмыть было. Работал санитаром в Мариинской больнице. Но отовсюду быстро уходил.

С газетами он продержался дольше всего. Тогда его хотели посадить за спаивание несовершеннолетних. А на самом деле из-за отца. Но у них ничего не вышло. Ни один из тех, кого они вызывали и допрашивали, показаний против Андрея не дал. Все говорили: «Как это он нас спаивал? Да у него больше рубля в кармане никогда не было! Как он мог нас сподить?»

Даже я следователю говорила: «У нас в доме алкоголя нет». У меня еще мама была жива. Я одна кормила всю семью — откуда деньги на выпивку? Если кто-то из Андрюшиных друзей приходит, они принесут с собой. А так, чтобы в доме держать?.. И вообще, компания, которая тогда собралась (тот же Цой или Пашков), все же сухое вино пили. В общем, у них ничего не получилось.

Забирали его в милицию часто. В наручниках увозили. Прямо на улице хватали. Без всякого повода. — А! Вот он, Панов!.. Давай его сюда!

Был такой Игорь по кличке Нехороший. Как-то с Андреем они вышли на улицу. У нас вокруг дома высоченные кусты, они сели в этих кустах с бутылочкой. И их обоих забрали. Как бы за распитие на улице.

Игоря тут же отпустили, а Андрея — нет и нет, нет и нет.

Я поехала туда и до часу ночи стояла перед отделением. Потом, уже глубокой ночью, вышел какой-то милиционер и говорит:

— Вы зря здесь стоите. Смотреть на него приезжали такие люди! Они распорядились, чтобы ни под каким видом его не выпускать. Так что сделать вы ничего не сможете.

Тогда я пошла к следователю и сказала, что наняла адвоката. Он аж побелел:

— Зачем вам адвокат?!

Адвокат был евреем. Это был очень знаменитый адвокат. Потом он уехал в Америку.

Адвокат спросил:

— Это какая Панова? Которая мужа отпустила без денег за границу?

Дело в том, что по закону муж должен был мне платить. Там, что-то такое, — нужно было отдать алименты за шесть лет вперед. До самого Андрюшкиного совершеннолетия. А откуда у него такие деньги? И я Валерия отпустила без всяких денег. Официально написала заявление... Меня потом еще целый год вызывали и просили написать другое — что я требую денег уже из-за границы. Они хотели, чтобы Валерия осудила еврейская община.

Когда этот известный адвокат выяснил, что это именно я, он взял мое дело. И как только они узнали его фамилию, дело было сразу закрыто. А с меня этот адвокат не взял ни копейки. Правда, банкет дома я, конечно, для него устроила...

Он приехал и удивился: почему Андрей не сидит за столом? У нас было не принято, чтобы он присутствовал при разговорах старших. И когда ему что-то понадобилось, то он постучался в дверь гостиной.

Адвокат поднял брови:

— И они считают, что этот юноша плохо воспитан?! Никого не слушайте: у вас прекрасный сын!

А через несколько лет его прямо после концерта отвезли в тюрьму на улице Каляева. Во Дворце молодежи был панк-фестиваль, и Андрей кого-то проводил без билета. А на охране схитрили — попросили оставить в залог паспорт, да так и не вернули.

Когда концерт закончился, я пришла его встречать. Вижу — «воронок» стоит. Я сразу поняла, что это за Андрюшей. Прошла за кулисы, взяла его за руку, и мы вышли через главный вход. Не через служебный, где его караулили, а через главный — вместе со зрителями. Потом я им позвонила:

— Где паспорт моего сына?

— Он должен сам за ним приехать.

Мы поехали за паспортом, и его тут же забрали. Прямо на моих глазах. Забрали за то, что он якобы нецензурно выражался на сцене. Дали десять суток. Я когда-то работала в «Динамо» с фигуристами, и у меня катался внук заместителя начальника ГУВД. Когда Андрей сидел, этот заместитель уже не работал, но я все равно через знакомых вышла на него и узнала, когда Андрея должны выпустить.

Он вышел, я его схватила за руку, а он бежит.

— В чем дело? — спрашиваю.

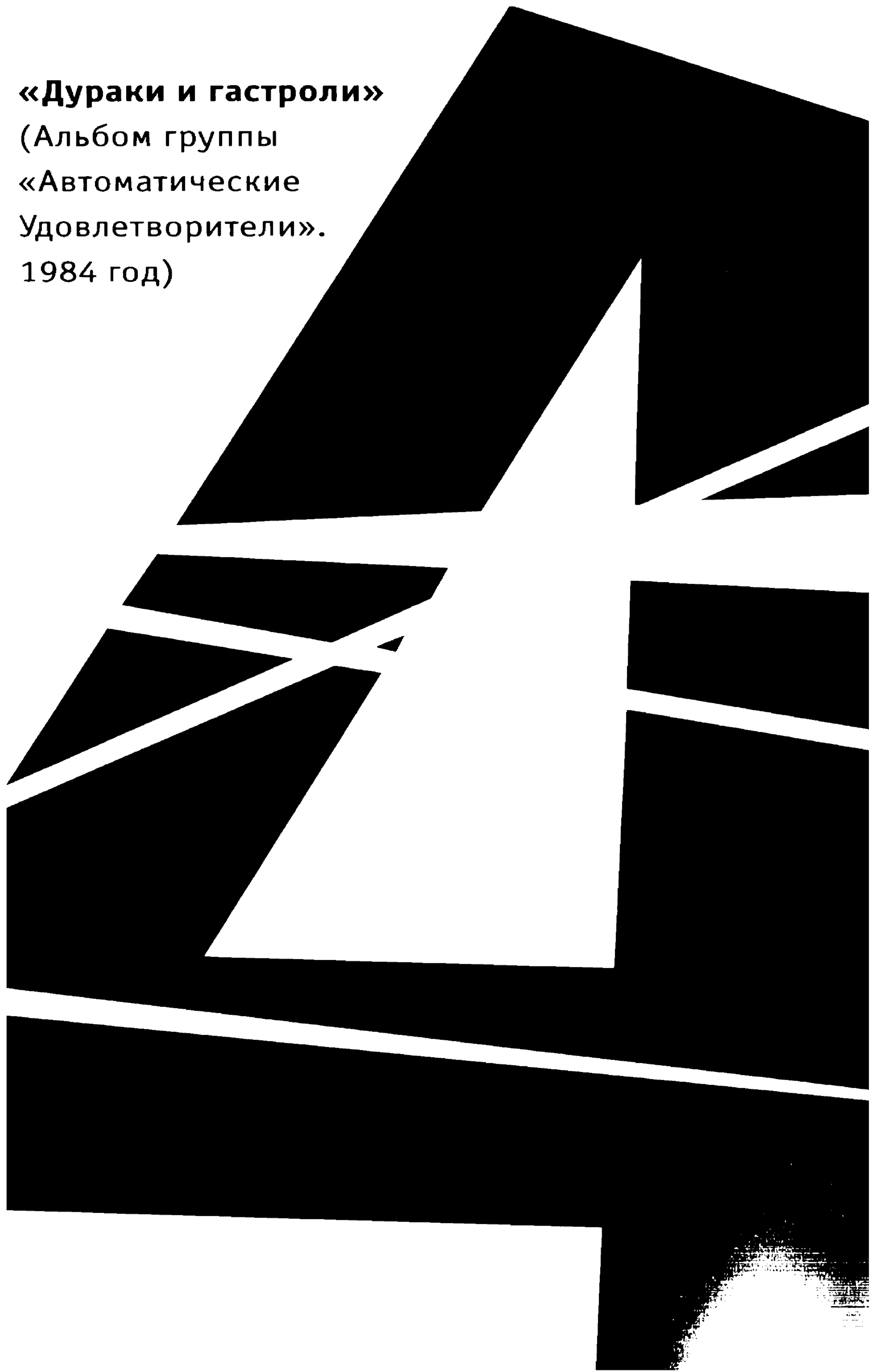
— Меня предупредили еще там: только выйдешь на улицу, снова заберем. Тут же. И повод найдем.

Мы с ним просто полетели домой. Я его руку не выпускала. Потом я все время ему говорила: будь осторожен! У меня уже не осталось знакомых, которые могут тебя выручить... А его продолжали забирать. По поводу и без повода.

«Дураки и гастрологи»
(Альбом группы
«Автоматические
Удовлетворители».
1984 год)

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Для записи «Юнкеров» Васе Серову нужна была акустическая гитара. Мой приятель привез свою двенадцатиструнную гитару, купленную еще лет двадцать назад.

— О! — сказал я. — По-моему, в свое время эта гитара стоила 98 рублей.

— Нет, — говорит Вася. — Не 98, а 112.

А Свинья говорит:

— Абсолютно точно, 98, потому что мы вместе с Цоем покупали ему такую же. Родители уехали на месяц и оставили ему 100 рублей. На 98 рублей мы купили гитару, а на 2 рубля он накупил беляшей, которыми дико отравился и лежал несколько дней совершенно зеленый. Что было вполне в его духе. И вообще, только такой человек, как Цой, мог въебаться в стоящий автобус на совершенно пустом шоссе.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Сухое вино мы иногда подогревали в духовке и пили горячим. Как-то на кухне у Свина во время такого подогрева я познакомился с Цоем. Виктор был одет в черные узкие брюки, из которых высовывались ступни в черных носках, черную рубашку и черную жилетку из кожзаменителя.

Жилетка была украшена булавками, цепочками и значочками. Познакомившись, мы решили для пробы открыть одну бутылку прямо на кухне. Вино в духовке нагрелось до оптимальной температуры. Можно было звать всех остальных, но мы не торопились. Мы мирно беседовали, попивая разогретое вино.

На тот момент «Палата № 6» (в которой играл Цой) репетировала у Свины дома. Тогда же Андрюша и сам

начал поигрывать на гитаре. В его комнате рядом с колонками скоро появились гитары и барабанные установки. Я уже не помню сейчас, какие там были усилители, но для репетиционной точки все это звучало вполне сносно. На барабанах «Палата № 6» барабанила вовсю — это дома-то, в обычной квартире! Каким-то чудесным образом Андрей умудрялся договариваться с соседями, и те ни разу так и не вызвали милицию.

Свинья только-только начинал музыкальную карьеру, а Майк Науменко из группы «Зоопарк» считался вполне взошедшей звездой. Он вел себя так, как вычитывал в старых номерах журнала «New Musical Express». Однажды он пришел к Андрюше и сказал:

— Свин! Специально для тебя я написал песню!

— Очень хорошо. И что?

— Готов продать!

— Продать?..

Майк значительно опережал свое время. Это сейчас песни пишутся на заказ и продаются. А тогда, чтобы Свин купил у кого-то песню?..

Я просыпаюсь каждое утро.

Ко мне приходят мои друзья.

Они приносят мне портвейн и пиво,

Но я знаю, они ненавидят меня.

И у меня есть жаба — редкостная дура!

И я бу-бу ее каждый день.

Нам давно плевать друг на друга,

Я бы бросил ее, но бросать лень.

И каждый день я хожу на работу

(Всем было б лучше, если б я не ходил).

А если я умру, то кто тогда вспомнит

О том, что я вообще когда-то жил?

А я не знаю, зачем я живу, — ну и бу с ним.

А я не знаю зачем я живу, — ну и бу-бу-бу-бу-бу с ним.

Майк спел новую песню, сидя на полу, прижавшись к стене и с каждой строчкой чувствуя себя все более неуютно. По лицу Свины было видно: вдуть ему песню за бабки — затея бессмысленная.

— Ну и чего? — спросил наконец Андрей.

— Я хочу за песню...

Майк начал судорожно соображать.

— Я хочу... Три бутылки сухого...

В результате долгих переговоров на сухое скинулись все присутствующие, в том числе и Майк. А песню Андрюша так и не купил. Да и не пел ее никогда. Майк же, напротив, записал и выпустил ее на альбоме «LV».

Со временем Майк как-то незаметно выпал из компании, засел у себя дома, да так и сидел там, выходя только в магазин и на концерты. В 1991-м он умер. А Андрей еще крепче сдружился с «Палатой № 6».

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

Цой стал понемногу репетировать с моими «Автоматическими Удовлетворителями». По наколке Майка мы записали пластинку «Дураки и гастроли». Там и Майк играл, и Рыба, и Цой, хотя Майк почему-то это отрицает. Песни все были мои, только одна была Майка и одна — Рыбы...

А еще с великой наколки Майка мы поехали в Москву. Организовывал все это Артемий Троицкий. Майк до этого был у него с Гробощенковым, и их расспрашивали: правда ли, что в Ленинграде кто-то уже играет панк? Майк сказал, что правда, и дал мне телефон Троицкого.

Зимой 1979-го мы поехали туда большой компанией давать концерты. Ну, Москва — город маленький. О нас сразу все узнали: новые люди!.. новая музыка!..

И мы дали концерт в чьей-то квартире, а потом в каком-то мелком клубе. В общем, когда вернулись, в Питере к нам тоже стали иначе относиться. До этого все считали, что мы просто идиоты. А теперь выяснилось, что о нас говорит вся Москва.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Именно Майк устроил петербургским панкам первые гастроли в Москву. Вернее, его продюсерские усилия ограничились тем, что он продиктовал Андрюше телефон московского музыкального критика Артемия Троицкого, а договаривался с Артемием уже сам Свинья.

Перестройку общественного сознания Троицкий начал еще с конца 1970-х. Прежде рок-н-ролл был музыкой деклассированных для деклассированных. Артем же повел атаку на высшие слои советского общества. На так называемую интеллигенцию, на пресс-центр ТАСС, на Союз журналистов, на радио, на телевидение. Это в те-то времена!

Он устраивал андеграундным певцам маленькие домашние концертики и приводил туда представителей московской элиты, которые могли нажимать на кнопки у себя в офисах. При этом Артемий обладал неплохим вкусом и разбирался в предмете, которым занимался.

Переговоры закончились тем, что Свину и компании было сделано приглашение поиграть в Москве. Где состоится концерт, какой будет выставлен аппарат и будет ли он вообще — об этом речи не было. Не было также и речи об оплате концерта. Это была чисто рекламная поездка, а первым в стране панкам реклама была ох как нужна. Не было еще тогда такого

отчаянного менеджера, который рискнул бы устроить концерт Свину и его друзьям.

Для поездки были выбраны суббота и воскресенье: все числились работающими и прогуливать боялись. После этого стали думать: кто поедет и кто на чем будет играть?

Однозначно ехали «Автоматические Удовлетворители»: Свин, Кук и Постер. Остальных вроде не звали. Но поехать хотелось многим. В результате Свин сказал, что трудности с ночлегом и прочим он решит сам, а кто хочет ехать, может смело составить ему компанию.

— Он звал «АУ», а может, у меня в «АУ» сейчас десять человек играет? Принимай, дорогой!

Рано утром в пятницу я смотался на Московский вокзал за билетами. Отстояв очередь, купил их на себя, Цоя и Панкера. «Удовлетворители» сказали, чтобы мы за них не беспокоились. С билетами они разберутся сами.

Пятница у всех была свободным днем. Мы собирались устроить генеральную репетицию: купили сухого вина и стали прикидывать, каков будет репертуар. Потом купили еще сухого. Вино тогда стоило 1 рубль 07 копеек. Ну в крайнем случае — 1 рубль 17 копеек. А уж если из дорогих захочется — 1 рубль 37 копеек.

Затем принялись решать, кто на чем будет играть. Музыкантов было много, и каждому хотелось блеснуть. Кое-как и этот вопрос был решен. В этот момент пришел Панкер с целой сеткой пива. Мы решили немного отдохнуть и послушать музыку. Некоторое время набирались сил перед дорогой. Вскоре пиво стало подходить к концу.

Свин сказал, что совесть надо иметь. Пора продолжать репетицию. Пиня и Кук были отправлены в мага-

зин за сухим. Вернулись они быстро. Помимо сухого принесли еще и «Стрелецкой».

Выпив стаканчик, Панкер попросил повторить. Повторив, он посмотрел на нас покрасневшими слезящимися глазами и заявил, что в таком виде ни в какую Москву ехать нельзя.

— А в чем дело?

— Вы посмотрите на себя! Куда вы поедете? Панки называется! Да вас всех, кроме Свина, нужно срочно подстричь! Что за хиппанский вид? Свин! Где ножницы?

За мной очередь на стрижку занял Цой. Но до него ножницы не добрались. Все вдруг закричали, что до отъезда остался час и надо бежать!

Мы ринулись на вокзал. У Свина билетов не было. Он рассчитывал, что на ходу из вагона выкидывать его не станут, однако проводники взашей вытолкали его еще до отправления состава.

...

Именно после той поездки группа Свиньи стала называться «Автоматические Удовлетворители». Андрюша долго думал, как можно перевести на русский название «Sex Pistols», а потом Юфа подсказал:

— «Автоматические Удовлетворители»!

Состав первой русской панк-группы тогда выглядел странно. Основных участников было трое: Свинья, Кук и Постер. На гастролях к ним присоединились Цой, я и Олег Валинский (первый состав группы «Кино»), Пиночет с Панкером (уже тогда Панкер пытался стать серьезным продюсером) и Дюша-маленький (в недалеком будущем лидер-гитарист группы «Объект Насмешек»).

«Удовлетворители» доехали до Москвы, заплатив проводникам по десятке. Но заплачено было не за всех. Последний участок дороги (три или четыре часа) Дюша,

Кук и Постер провели в туалете сидячего вагона. Когда мы встретились в Москве, ребята имели помятый вид.

Свин говорил:

— Зато мы были в музее революции! Это самый крутой музей в мире! Мы видели копию ботинок Карла Маркса! Это незабываемое зрелище!

В дверь конспиративной квартиры он звонил сам. Секретный код (последовательность длинных и коротких звонков) был известен только ему. Дверь открыл странный молодой человек. С интеллигентной бородкой, аккуратно подстриженный, в очках, косоворотке и солдатских сапогах. Он посмотрел на нас и вежливо сказал:

— Проходите.

Мы прошли в комнату, заставленную книжными полками.

— Садитесь, — сказал второй молодой человек, точь-в-точь такой же, как первый. Та же бородка и очки. Те же сапоги и косоворотка. Хозяева оказались братьями-близнецами.

Через некоторое время подъехал Троицкий. Он влетел в комнату, не раздеваясь, окинул всех цепким взглядом, сказал «привет» и для беседы вызвал Свина на лестницу.

Через пять минут Свин вернулся:

— Одевайтесь, поехали. Концерт будет. Троицкий выставляет бухалово. Играть можно всю ночь. Аппарат есть.

И мы двинулись по вечерней зимней Москве. Впереди, выдвинув рыжую бороду, известный музыковед. За ним — восемь молодых людей совершенно неопишемого вида.

Дорога была неблизкой. Наконец Артем сообщил:

— Приехали.

Дверь открыл очередной бородач. Хозяина звали Рощаль. Он оказался известным в Москве художником-концептуалистом. В квартире имелась пара электрогитар, один барабан, бубен, бытовой усилитель и пара колонок. Артемий предложил нам настроиться и репетнуть. А сам отправился в винный магазин.

Публика была именно та, которую мы хотели бы видеть на своем выступлении. Пришли какие-то пожилые розовощекие мужчины в дорогих кожаных пиджаках и с золотыми браслетами. Женщины снимали меховые шубы и оказывались в бархатных или шелковых платьях. Мы тихо радовались.

— Они на панк-рок всегда так наряжаются? — спросил Свин у Артемия.

Артем промолчал. Он дико волновался. На фоне его золотых гостей мы выглядели ой как специально.

— Да-да-давайте, выпейте и начинайте. То-то-только не волнуйтесь. Если сегодня все пройдет нормально, завтра будет концерт в настоящем зале.

И мы начали.

Первым играл Цой. Он спел одну из двух написанных к тому моменту песен — «Вася любит диско, диско и сосиски». Песня была слабенькая, серая, никакая. Публика приняла его тепло, но без восторга.

Следующим номером был я. Поскольку ножницы Панкера успели пройтись по моей голове, я выглядел более экстравагантно, и зрители насторожились. Я проорал им свой рокешник «Лауреат». Десять лет спустя его станут играть братья Сологубы и их группа «Игры». Во втором куплете там один раз звучало слово «насрать». Зрители оживились. Начиналось то, ради чего они надевали золотые серьги и бриллиантовые кольца: таинственный панк-рок...

Цой и я разогрели публику. На бой вышли «Удовлетворители». Постер бил в бубен. Он был уже настолько пьян, что даже с одним барабаном справиться не мог. Свин был освобожденным вокалистом, но в некоторых песнях брал гитару и издавал пару звуков. Кук играл на гитаре. Цоя они попросили помочь на басу.

Зрители были в восторге. Никогда не угадаешь, что человеку нужно. Свин крыл их матом, снимал штаны, а дамы в жемчугах и их спутники млели от восторга и искренне благодарили Артемия за прекрасный вечер.

Вина Артемий купил с расчетом на всю ночь. Свин разошелся не на шутку. Жемчужные и меховые дамы принялись тоже попивать портвейн. Их кавалеры не отставали. Вскоре зрители были уже в одинаковом состоянии с музыкантами.

Встал вдруг Пиня и спел свою безумную песню «Водка — вкусный напиток». Пел он шикарно: на протяжении всего произведения отставал от музыки ровно на четверть, и получалось что-то невообразимое. Специально так сделать очень сложно:

Делают сок из гнилья и отходов,
Делают сок из поганого дерьма,
А в водку входит корень женьшеня,
И вот поэтому долго на свете живу
Я, один только я!..

Зрители медленно сползали со стульев на пол. Добил их Свин, спев двадцатиминутную композицию «По Невскому шлялись наркомы». Я до сих пор считаю, что это лучшая песня в русском панк-роке, и никто меня не переубедит.

Часть музыкантов во время исполнения «Наркомов» попадала прямо на сцене и моментально заснула. Заканчивал песню один Свин.

Павших бойцов мы оставили ночевать у Рошала, а сами поехали с Троицким к какой-то его подруге, на следующий день дали еще один концерт (на этот раз в подвальном клубе), а еще через день купили билеты и спокойно уехали в Ленинград.

Песни Цоя, которые я услышал во время той поездки, мне понравились, а Цою понравилось то, что делаю я. Через какое-то время мы с ним отошли от «Удовлетворителей» и создали собственный проект. Назывался он «Гарин и Гиперболоиды», а еще через полгода Цой предложил название «Кино». Мы полностью ушли в себя и с Андреем стали видеться реже.

Андрей Панов (Свинья) — первый в стране панк

После того как мы вернулись из Москвы, дружить с нами хотели уже очень многие люди. Как-то нас пригласили в плавучий ресторан «Бриг» на тридцатилетие Тропилло*. «АУ» пришли в полном составе и с нами, естественно, Цой, потому что мы все время вместе болтались. Сейчас я так думаю, что у Гробощенкова тогда была мысль «АУ» как-то пригреть. Все-таки новые люди, все только о нас и говорят. Думаю, он тогда присматривался: с кем бы из молодежи дальше замутить что-нибудь вместе? Но в «Бриге» я вел я себя омерзительно, о чем теперь здорово жалею. Гробощенков посмотрел на меня поближе и, видимо, поостерегся.

Зато он сошелся с Цоем. И вместо «АУ» стал делать дела с «Кино». Как раз после того вечера они с Витькой и подружались.

---

* Андрей Тропилло — звукорежиссер, на студии которого в 1980-х были записаны все первые альбомы русского рок-н-ролла.

Алексей Рыбин (Рыба) — музыкант, основатель группы «Кино»

Потом я принимал участие еще в двух концертах «АУ». Как-то в Москве Свин попросил меня заменить отсутствующего гитариста. Концерт проходил в московском районе Люберцы, который тогда славился на всю страну своими чудовищными гопниками. Тупые, безжалостные, накачанные, все в одинаковых пролетарских кепках и свитерах, «любера» толпами вваливали на концерты и мочили всех без разбору. Рок-музыканты бледнели от одного названия этого района, а вот Свин совершенно спокойно согласился отыграть в самом логове чудовищ — и ничего! Концерт прошел вполне прилично.

После концерта мы сели на электричку и поехали в Москву. К нам подошел кто-то из парней, которые были на концерте. Смущаясь, он стал звать в гости:

— Поехали ко мне, в Октябрьское Поле.

— А выпить у тебя есть?

— Водка есть!

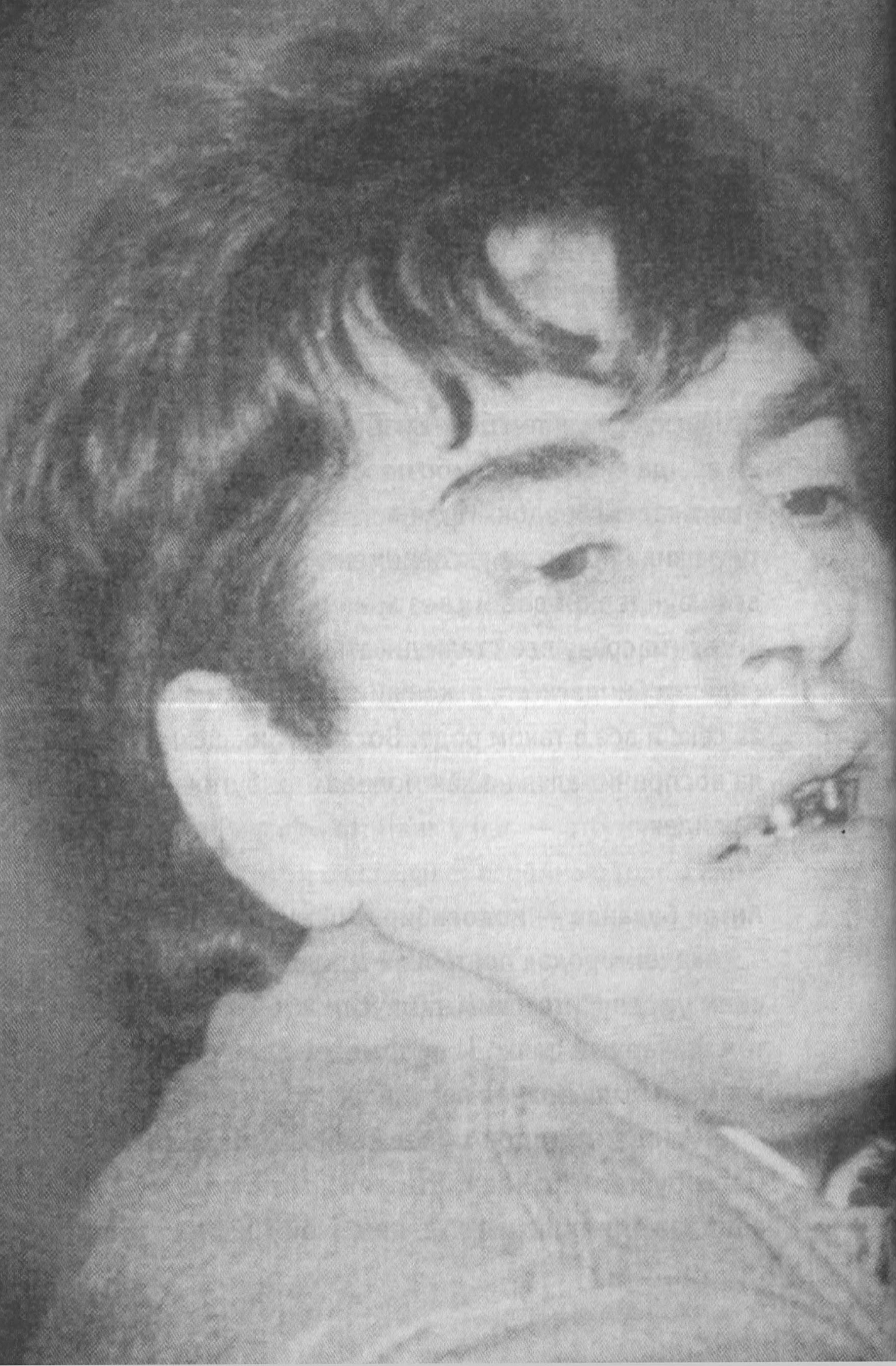
— С водкой я хоть в степь, — отрезал Свинья.

Был еще один совместный концерт — памяти Майка Науменко в московском цирке. Остатки группы «Зоопарк» упились вусмерть, заявленный «Секрет» вообще не приехал, а Андрей отыграл свою программу блестяще. Он был трезв, грустен и по-хорошему агрессивен.

После этого вживую на сцене я его уже не видел. Правда, как-то наткнулся на его выступление по телевизору. Впечатление было потрясающим. Помню, я подумал: ну, наконец-то! Слава Богу — Андрюша вышел на большую сцену! А оказалось, что этот концерт так и остался единственным дошедшим до эфира.

Очень жаль, что все это продолжалось так недолго и закончилось так, как закончилось.

«Пейте с нами!»

(Альбом группы

«Автоматические Удовлетворители».

1995 год)

Андрей Чернов —

гитарист группы «Автоматические Удовлетворители»

Концерт в Киеве. Занавес открывается — на сцене группа «Автоматические Удовлетворители» в полном составе. Все сидят за накрытым столом. Публика сперва притихла, а потом начала шуметь. Товарищи музыканты не обращают внимания — ужинают. Пьют. Там же за столом — пара-тройка микрофонов. На народ в зале никто даже не смотрит. Пять минут все орут... десять... пятнадцать... Когда начинается совсем уж бурное недовольство, встаю я. Гитару типа включил, что-то сыграл и, как только они успокоились, сажусь назад... Прошло минут сорок, всем уже невтерпех, понемногу начинаем играть. Но от стола стараемся далеко не отходить. Часть товарищей все равно сидит за столом, пьет и время от времени что-то подпевает в стоящие на столе микрофоны. Время от времени кто-то из нас уставал прыгать и просто возвращался за стол. На зал мы вообще не обращали внимания. Так концерт и отыграли. Мы мечтали, чтобы каждое наше выступление проходило бы именно так.

Игорь Сидоров (Котик) — гитарист «АУ»

Люди любят разбиваться на стаи и придумывать самим себе границы. Наклеим каждому на лоб ярлык, и всегда будет понятно, чего от этого человека ждать. Вот рабочий, он работает. Вот кинозвезда, он нравится телкам. Изначально панк был придуман для того, чтобы сорвать все ярлыки. Чтобы увидеть живых людей, разных и непохожих. Но очень быстро панк сам стал ярлыком. Все нарядились в униформу, выстригли себе ирокезы и стали просто еще одной стаей.

В «АУ» не было жестких рамок типа «Давайте играть, как „Sex Pistols“!». Если панк-рок — это просто полная свобода, то у нас эта свобода была. У тебя есть идеи? Тащи на сцену! Как одеться, как раздеться, любое шоу, полный отвяз и естественность, все, что присуще человеку, — все это мы могли вынести на сцену. Это было круглосуточное шоу. Мы не работали панками, а были ими.

И внутри группы тоже была свобода. Свинья никогда не напрягал, типа «А ты почему на репетицию не приехал?». Он предлагал свои идеи, но никогда на них не настаивал. И если ему что-то не нравилось (например, одно время все вдруг начали тянуть в сторону «тяжелого металла»), то он не говорил: «Я это петь не буду!»

Он ни на кого не давил. Он просто пассивно избегал того, что ему не нравилось. Напивался или мог сорвать репетицию. У него были какие-то свои ходы.

Вообще Свинью интересовало только творчество, а административной деятельностью занимались другие — Чернов или Дубов. Ему звонили из клубов и предлагали сыграть. Он говорил — «Да!» или «Нет!» — и больше никакие организационные моменты его не касались. Чтобы разговаривать с клубами, нужна жесткость, а он не был жестким. И беспределов он никогда не устраивал — не ломал инструментов, не дрался, никакого разрушения. Он всегда говорил, что умеет только получать: после каждой драки нос у него сворачивался то влево, то вправо. Он просто делал то, что естественно человеку, а если человек в чем-то естественен, то это не беспредел.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

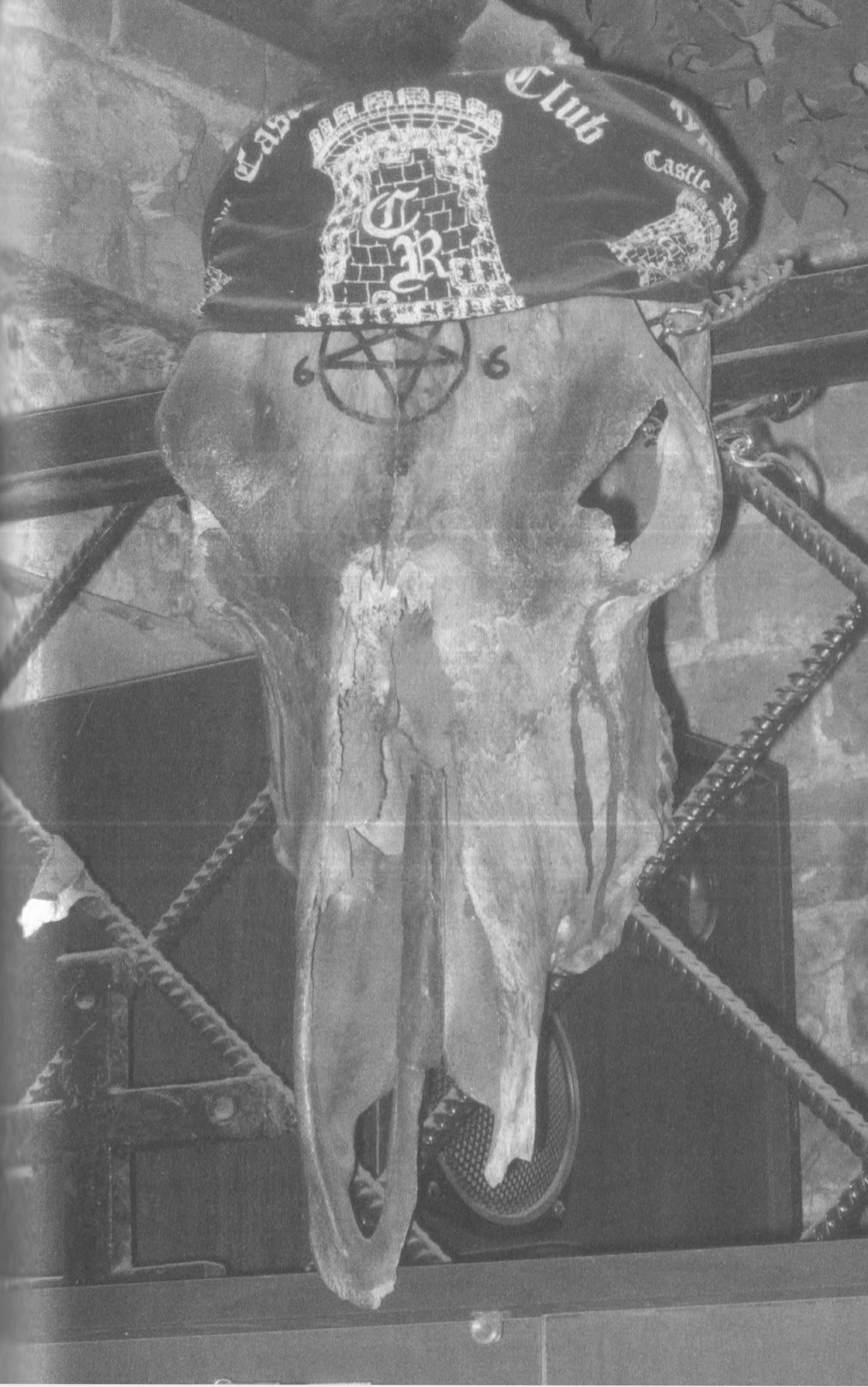
Со Свиньей я познакомился, когда он работал в Выставочном зале «Манеж», а с ним вместе работали Морозов и Титя. Думаю, им просто не хотелось далеко уходить от репетиционной точки. Располагалась их точка тогда ровно напротив «Манежа». Там стоит такой огромный офис городской прокуратуры, а в прокурорском подвале «АУ» как раз и репетировали. Изначально это был какой-то склад, но в нем уже давно ничего не хранили.

Я тогда тоже болтался в этом районе. И несколько раз заскакивал к ним на точку, чтобы глянуть: вдруг пьют? То есть с Андреем мы уже тогда были знакомы. Потом я как-то болтался по Рок-клубу и искал, с кем бы скинуться, а Свинья тоже искал, и мы тогда выпили, поболтали. Так происходило несколько раз. Я стал заезжать к нему в гости, мы выпивали и общались. А потом он как-то попросил меня подыграть.

То есть в группу я попал случайно, но в то же время и закономерно. Ну, так все и покатилося. Ковыряться с аппаратом мне всегда нравилось. Тогда мы были молодые, энергичные, и ничто не было влом, как сейчас. С первого дня я стал добиваться приличного звука. Даже на репетициях: если плохой звук, я сразу отключал гитару, потому что лучше уж на невключенной играть. Ну и концерты тоже пытался организовывать.

Первые гастроли, которые я устроил, были в Выборге — это на севере Ленинградской области. Причем Свиньи там даже не было. Он даже до вокзала не доехал. Пели тогда я, Дубов и Ослик — втроем, оттопывая ножками. Со стороны, наверное, это выгля-

Club
Castle

6 6

дело как «Beatles»: по куплету — хором, по куплету — хором.

При этом слава «АУ» бежала впереди нас. Куда бы мы ни приехали, на нас уже заранее смотрели как на отморожков. Народ был готов увидеть реальных монстров. О нас рассказывали такие вещи, которых и в природе-то не было. Непонятно даже, кто и зачем все это придумал. Где-то что-то разик вытворили (например, голышом попрыгали по сцене) — ну и все! После этого во всех городах администрация залов нас заранее предупреждала:

— Ребята! Мы слышали, что вы каждый концерт до гола раздеваетесь и всем, чем можно, трясете. Так вот у нас этого, пожалуйста, не надо!

А в Волгограде нам просто выставили ультиматум, чтобы мы не раздевались. Никто и не собирался этого делать, но когда выставили ультиматум, разумеется мы начали раздеваться прямо на первой песне!

Из Волгограда мы ехали — жара ужасная. Я достал билет в депутатский вагон, а нас оттуда высадили! Причем ни за что по большому счету. Мы в тот раз даже не пили. Конечно, чемодан у меня был полностью забит портвейном. Но мы очень устали накануне, легли в поезде и сразу заснули. Единственное, все были голые. Кто-то, видать, выходил, стопор в купе не включил — дверь и открылась...

Проводница была в шоке. Тут депутатский вагон, в туалете — три вида зубной пасты, кофе с коньяком, вагон непроходной. Проводница сказала, что мы пьяные и устроили дебош. Пришли менты, стали всех выводить. Если бы они могли меня разбудить, может, ничего бы и не было. Но они меня за ногу дергают, а я им: «Иди на хуй!» — и р-р-раз ногой!

Меня начинают стаскивать. Я: «Не понял?!» Вскидываю, но тут смотрю, вокруг все в форме.

— Собирайте вещи и на выход.

— С какого хуя? Никуда не пойду!

Довольно проблематично было бы меня высадить. Но я смотрю: все остальные уже на платформе. Оказывается, менты уже полчаса поезд держали — меня будили. Когда нас в отделение отвели, я там понес:

— На каком основании нас задержали? Я сейчас всех вас посажу!

В итоге нам сделали бесплатные билеты, посадили нас на плацкарт какой-то... Вообще, нас частенько ссаживали с поездов...

Андрей Васильев (Партизан) — музыкант «АУ»

В России смешно говорить про панк-рок. У нас все люди от рождения панки. Но если была у русского панк-рока своя легенда, то это как раз «АУ». Они первыми все это дело начали и вели себя так, что их до сих пор перплюнуть никто не может. Сколько директоров снимали за выступления «АУ»!.. Как ни пытались сделать из Свиньи конфетку — ничего не получилось. У него изначально все было честно и искренне. Хотя очень сложно устоять, когда суют деньги, предлагают действительно большие площадки и со всех сторон говорят, что вы — звезды континентов.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Как-то мы поехали на концерт в Москву. В составе были я, наша басистка Мява и еще кое-кто. Всего насчиталось человек восемь.

Приехали в клуб «Бункер». Нажрались там со страшной силой еще до концерта. Когда после выступления стали собирать группу, чтобы увезти хотя бы на такси, — не получалось. С каким-то невероятным трудом то одного, то другого выводили, но пока вытащат одного, другой ползком назад: в клубе бар был очень хороший. С горем пополам приехали к своему общежитию, а там закрыто. Все. Второй час ночи.

Как всегда, стали ломиться и все крушить. Я пытался выбить дверь, но она оказалась очень крепкая — не получилось. Тогда мы начали стучать по подоконникам палками. Товарищ один по водосточной трубе полез — чуть шею не свернул. А Андрей лег в кусты и сказал: — Я и здесь могу жить!

С нами тогда была девушка Настя, которая до этого вообще не пила. А в этот раз, после приезда в Питер, подружки спросили ее: «Что было?», и она ответила: «Не знаю». Мы напоили ее в первый же день пути, еще в поезде, и потом так и не давали прийти в себя. Так вот. Она порвала пачку «Беломора» и думает: «Чего мужики шумят? Проще поджечь». И подкладывает ее под деревянную дверь, поджигает.

Самое главное, что дверь начала гореть. А в это время кто-то пошел в кусты и обнаружил другой вход, который открыт. Ну, мы все туда и пошли. Только один, более или менее трезвый, обернулся и смотрит — дверь-то уже серьезно взялась. Вроде как спать в гостинице, которая горит, не с руки. У меня с собой еще бутылка вермута была. Вина у нас было — ну, немерено. Оно уже просто текло у нас изо всех ушей. И я стал поливать дверь вермутом, пока не потушил.

Вошли мы туда — уже был третий час ночи. Разбудили тетку на вахте — давай записываться. Вместо своих данных я написал — Изя Шварцман. Она порвала визитку, я снова пишу то же самое. Она порвала и опять мне дает.

Я стал возмущаться: что ж это такое?! Она говорит: — Ну какой ты еврей?

Я показываю загранпаспорт, а там на латинском: «Chernov». Я ей говорю:

— По-русски — Чернов, а по-нормальному — Шварцман. Это моя девичья фамилия.

Она все уговаривала:

— Ну, посмотри на себя! Ну какой ты еврей!

Пришлось расстегнуть штаны и доказывать:

— Смотри, тетя! У меня даже обрезание есть!

Дежурная реально грохнулась со стула и стала быстро всех оформлять. Среди нас нашелся всего один человек, который еще хоть как-то соображал и мог держать ручку в руках. Поэтому нас записали всех единой строкой: гражданин Самусик и с ним группа из восьми человек.

Андрей Васильев (Партизан) — музыкант «АУ»

В то время я как раз начал играть в группе «ДДТ». Но мне позвонил Миша Дубов и сказал:

— Кончай херней заниматься! Давай дело делать!

И я вместе с «АУ» поехал в Москву на фестиваль «СыРок». Андрей играл на гитаре. Весь концерт он проиграл на ноте «ре» и получил грамоту «За верность жанру».

Он был пьян в ноль. Ему говорят:

— Иди! Пой! Пора!

А он говорит:

— Пошли в жопу! Сначала напоят человека, а потом петь заставляют!

С обывательской точки зрения — никто никогда в этой стране хуже не играл. Но Андрюха был вот таким... Из него хотели слепить отрывного негодяя, хулигана, пьяницу, алкоголика, но света и радости в нем было больше, чем чернухи. Он вообще был очень светлый человек. Живет как хочет, играет как хочет... Панк как стиль музыки и панк как стиль жизни — для него это было одно и то же.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Состав группы менялся постоянно. Как-то Свинья сказал мне:

— «АУ» это мы с тобой. Все остальные — просто проходные люди.

Мы никому не отказывали. Брели в группу всех. Разик репетнули и поехали. В Волгоград, помню, отправились вообще без единой репетиции. Тогда мы и думали-то только о том, где бы выпить и на что. С нами отправились два человека, которые до этого и вообще о группе не слышали. Это Костик, бывший барабанщик «Скорой Помощи», и Саша «Блэкмор».

Оба они были волосатые. Как только поезд тронулся, я им предложил:

— Давайте подстригу!

Они:

— Не! Ни фиги!

Я говорю:

— Сейчас заснете, я все равно вас обкорнаю! Все равно лысые сделаетесь!

И они долго-долго не спали. На каждой остановке вскакивали. Соответственно, днем они заснули прямо вниз мордами. А лица у них были опухшими от чая, потому что выпить не было — с утра до ночи пили чай. Ну, и когда пришла милиция, то меня они даже не трогали. Я выглядел так, что было ясно: лучше не лезь. А на их опухшие рожи посмотрели и давай тащить все вещи, осматривать все...

В провинции к пьяным вообще плохо относятся. В Минске, например, очень строго — сразу забирают. Мы шли с Андреем изрядно пьяные на концерт... Там все дешево: здесь бутылка гадкости стоила тысячу, а там за 900 рублей можно купить трехлитровую банку отличного молдавского вина*. Мы баночку взяли... Еще с утра бутылок десять пропустили на двоих... Идем с банкой, как сок попиваем... Подходят милиционеры. Я сразу спьяну стал орать, что иностранный гражданин, сую им весь изрисованный и измятый загранпаспорт:

— Вы не имеете права! Без консула я с вами даже разговаривать не буду!

А Андрей опустился на колени и давай им за ноги цепляться:

— Ну, заберите меня! Ну, заберите меня!

Эти бедные белорусские менты прокляли все на свете. Они потом бежали от нас по улице и не знали, как отвязаться от двух пьяных русских идиотов. Сразу после концерта группу мы отправили домой, а сами остались пьянствовать еще недели на две... или даже на три.

---

* В ценах начала 1990-х годов.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

У него была басистка, Мява, к которой он относился очень хорошо и часто про нее вспоминал:

— Дней за десять до того, как она померла, я ей говорю: «Слушай, если ты будешь так продолжать и дальше, то скоро помрешь». Она со своим мужчиной постоянно употребляла. Точно не помню, но, по-моему, речь шла о сочетании каких-то сильных наркотиков со всем остальным вместе взятым. Ну и потом как-то просыпаюсь, смотрю: Лия Петровна подходит, садится ко мне с таким видом... Я ей говорю: «Мява, что ли, померла? Так и скажи».

Если помер, значит, сдох —
И нельзя придумать лучше
Отвратительный кобсдох
В развеселой нашей куче...

Валера Морозов — барабанщик «АУ»

— *Как ты думаешь, почему Свинья нашел воплощение своего таланта именно в панк-роке?*

— Это, в общем-то, юродство. Свинья — очень трогательный, очень хороший человек. Но это самый настоящий наш, русский юродивый. Такое словами не передашь. Я вот — профессионал. Могу сыграть что угодно. А Свинья — это такая жизнь...

— *Что тебе запомнилось из того периода, когда ты играл в «АУ»?*

— Когда мы первый раз выступали в Рок-клубе, все обоссались просто от одного вида. Когда мы сыграли, Гриня Сологуб из группы «Странные игры» сказал: «Вы ребята серьезные!» Они все перессали. Для них это было

ужасно. Это было очень круто. Все опухли. И в Москве было так же. Так было всегда. Где бы мы ни были — хоть в Тюмени, — нас всегда принимали «на ура». Потому что группа была настоящая. Мы себе не ввали никогда. Это главное. И толпа визжала, само собой. Главное, чтобы самих себя удовлетворить. Так и назывались — «Автоматические Удовле-творители».

— *Какие-нибудь интересные моменты можешь рассказать?*

— Водка. Похмелье. Водка. Опять похмелье.

«Претензии не принимаем, тел. 1975195»

(Альбом группы

«Автоматические Удовлетворители».

1995 год)

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Однажды я провожал Свинью на вокзал. Он ехал из Москвы домой в Ленинград и был в состоянии выхода из очень жесткого запоя. Чувствовал он себя очень плохо. Пил совсем по чуть-чуть, только чтобы хоть как-то передвигаться. Мы шли так медленно, что он сел в поезд уже в последнюю минуту. Зачем-то сказал проводнику, что не пьяный, хотя никто его в этом и не подозревал.

С собой я на всякий случай дал ему бутылку сухого вина. В поезде он ее выпил и заснул. А во сне эта бутылка из него и вышла. Потом Свинья рассказывал:

— Там были какие-то мужчины военной национальности, которые заставили меня все за собой убрать. И они были безусловно правы.

...

В 1980-х Свинья стал первым панком страны. И почти десять лет он был самым главным панком страны. А потом наступили совсем другие времена... Страна изменилась, всех стали интересовать совсем другие вещи. И то, что раньше казалось важным, теперь не стоило ничего.

Может показаться, что в 1990-е жизнь у Андрея состояла из сплошных обломов. Как автор и как артист он ведь остался совершенно нереализованным.

Он мог бы сниматься в кино. И выступать на больших площадках. Мог, в конце концов, просто играть концерты с нормальным звуком, которые можно было бы нормально снять на видео. Но ничего этого не случилось, а ведь он очень хотел! Он мог записать еще десять или двадцать альбомов, которые были бы намного лучше,

чем те, что уже вышли. И мы собирались это делать! Он хотел играть концерты, записывать альбомы, но совершенно не собирался жертвовать ради этого своим образом жизни. И остался самим собой до конца.

В мае 1997 года он выступал на «Горбушке» перед «The Toy Dolls». Это был большой панк-фестиваль, на который специально приехали «Stranglers». Я рассчитывал, что этот концерт станет для Свиньи трамплином. Что он отыграет так, как умеет это делать, а ведь на сцене равных ему не было. Однако в тот день Свинья умудрился так нажраться, что за полчаса до концерта лежал трупом. Его еле подняли с помощью нашатырного спирта. Естественно, ни о какой энергии речь уже не шла. Я злился ужасно. Хотя парень, в общем-то, остался верен себе.

Может, из-за того, что Лия Петровна так оберегала его, Свинья долго оставался ребенком — и не всегда в лучшем смысле этого слова. Он не видел никакой трагедии в том, что время идет, а ему по-прежнему ничего не светит.

Андрей Чернов — гитарист «АУ»

Андрей был маленький потерявшийся мальчик. А все остальное, всякие шутки и приколы — это чтобы отгородиться, чтобы его оставили в покое. Когда он учился в школе, то был толстым, а его друг Кирилл «Хуа Гофэн» был на девочку похож. И их обоих постоянно били. Поэтому он и стал таким Свиньей.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

Вообще-то он хорошо относился к людям. Специально гадостей никому не делал. Другое дело, что если

уж ты с ним связывался, то дальше приходилось постоянно расхлебывать: следить, чтобы его не забрали, чтобы он не писал в клумбы, не нажрался до начала концерта, и все такое.

С мамой, Лией Петровной, у него были отношения самые дружеские и теплые. Если бы не она, он бы давно отправился в «небесную бильярдную». Насколько я понимаю, она совершенно не давила на него, не пыталась перевоспитать, а просто как могла берегла. Бежала встречать его на вокзал к шести утра, чтобы он не попал в менты, если приедет пьяный. Аккуратно выводила из запоев и всегда нормально кормила. Для моих ленинградских знакомых это редкое явление. Там, в основном, любят вместо обеда пить чай — иногда совсем пустой.

...

В свое время Задерий* под запись своего нового альбома выманил у меня 300 долларов, полученные из Фонда Сороса, и благополучно их пропил. Когда Свишня об этом услышал, то воскликнул:

— Ну вот! Где же я-то был?!

Он сам в этом смысле был весьма щепетилен. Если он требовал «оказать морально-материальную» поддержку, то означало это всего лишь купить бутылку. В этом отказать ему было сложно. Но реальные деньги он брал у товарищей только в самых экстремальных случаях и относился к ним бережно.

— Если можешь, пришли триста рублей...

— А тебе они очень нужны?

---

* Ленинградский музыкант, основатель группы «Алиса».

— Ты же знаешь, что если бы не очень, то я бы не просил.

И я действительно знал, что если он просит, то дома у них сейчас есть нечего, а эти триста рублей он должен в магазин, который давал им с Лией Петровной еду в кредит.

Лия Петровна Панова — мама Свина

Как-то друзья пригласили его и Панкера в ресторан. Уже поздний вечер, а Андрея все нет. Я звоню Панкеру:

— Где Андрей?

— Не знаю. Он сидел с нами, а потом вдруг исчез. То ли в туалет пошел, то ли еще куда, но исчез.

А уже часа два ночи.

Звонит моя подруга:

— Андрей у нас. Он весь избит. Мы его хотим оставить, а он ни в какую. Хочет идти домой.

Я открыла дверь квартиры. Ну, приоткрыла чуть-чуть, думаю, вдруг, пока его били, ключи у него выпали. Или отобрали их... И пошла к подруге забирать сына. А дверь оставила открытой, потому что не знала, с какой стороны дома он пойдет. Мы могли разминуться.

Но мы не разминувшись. Я обежала дом и увидела Андрея на той стороне дороги. Встретила его, перевела через дорогу. Избит он был страшно. Поднялись на наш этаж. Он подошел к двери, остановился.

Я говорю:

— Не бойся! Это я открыла дверь.

Он думал, что те, кто его бил, пришли к нам домой. А все было так: он вышел из ресторана, и тут на него на-

бросились какие-то жлобы. Наверное, специально поджидали. Без всякого повода начали избивать.

— Я лежу, — говорил Андрей, — и чувствую, что все уже, хватит. Так они могут меня и до смерти забить...

А он был в кедах. Он давно в кедах ходил, чтобы легко было бегать. Он поднялся и побежал. А те жлобы были пьяные, отстали. Он бежал через парк Победы, спрятался в кустах, и они его потеряли.

Леша Старых —

владелец рок-н-рольного магазина «Дохлая Рыба»

Однажды он пришел зимой, в феврале, абсолютно голый, свататься к моей жене. Бабушек на улице едва до инфаркта не довел. Но в мою квартиру не попал — промазал. Поднялся двумя этажами выше и оказался у Васи из «Рок-н-ролл — Сити». Тоже было весело. С ним вообще всегда было весело.

Я не очень хорошо его знал: панк-роком я не интересовался. Слышал, что есть такая группа «АУ» и что стоит она довольно крепко, но это, пожалуй, все. В основном он приходил ко мне со своими дисками, чтобы продать их подешевле и поиметь каких-то денег — на еду, выпивку и вообще. Да только диски его шли очень плохо. У меня в магазине публика немного другая. Но я все равно их покупал. А потом поинтересовался — почему такой известный парень не может найти себе продюсера и раскрутиться по-хорошему? Заработать хоть немного денег?

Его последний альбом получился тяжелый, хард-роковый. Он открыл совершенно новый пласт: модная, чисто западная музыка с отмороженным панковским текстом. Мне кажется, что если бы он закатал

еще один такой же альбомчик, то им бы наверняка заинтересовались «большие» продюсеры. Но записать он больше ничего не успел.

Олег Коврига — московский независимый промоутер

В студии «Мизантроп» окно в аппаратной выходило на пожарную лестницу. В хорошую погоду мы перелезали по этой лестнице на крышу соседнего дома и загорали.

Однажды мы с Элей лежали на этой крыше и смотрели, как Свинья мается и бродит по студии. Делать было нечего, накладывать голос было еще рано, но ему вдруг захотелось спеть. Он подошел к открытому окну и начал петь под уже записанный инструментал. И пел с полной отдачей, а мы смотрели в полном восторге, и я помню, подумал: «Неужели сейчас все это кончится и уже никогда не повторится?»

...

Как-то мы сидели на кухне — и Тропилло долго, упорно и с большим энтузиазмом учил меня жить. Настаивал, что я все делаю неправильно. А я по мере сил отбивался.

Свинья наконец не вытерпел:

— Слушай, он хочет, чтобы ты сказал: «Да, я — мудака!» Скажи — и он успокоится. Я вот могу свободно сказать про себя: «Да, я — мудака!» Что тут такого?

Он очень иронично к себе относился. В этом Свинья был настоящий панк. Только думали так, похоже, не все.

Его хоронили в крематории. Тетя, которая вела процедуру прощания, стала скорбным голосом завывать, что от нас ушел примерный сын и заботливый отец... что наступают самые скорбные минуты... и все такое. Я абсолютно не собирался ничего говорить, но тут стало ясно: если сейчас промолчать, то с этими словами нашего парня и увезут. Как будто это не он, а какой-нибудь член профсоюза. И я раскрыл свой рот и сказал что-то типа:

— Да что мы тут устроили?! Что мы тут стоим и жопы криво морщим? Ведь все-таки это не кто-нибудь, а главный Петрушка Советского Союза!

Тут подбегает кто-то из фанатов «АУ» и бьет меня прямо по рылу. Его, конечно, тут же оттащили, а Тропилло отвел в сторону меня. Потом, когда мы уже вышли на улицу, я вдруг начал рыдать у Тропилло на широкой груди, говорить, как я его люблю и что в Петербурге живут очень хорошие люди, только при этом часто они оказываются полными мудаками, которые сидят на жопе и ничего не делают, но вот он, Тропилло, — исключение и к мудакам не относится. А он меня утешал. Говорил, что про главного Петрушку я был абсолютно прав и кто-то все равно должен был это сказать.

Оно, конечно, со Славой Жеревчуком и Лией Петровной мы в тот день выпили уже с утра. Да и сформулировал я, может быть, не очень удачно. Потому что если бы я сказал не «Петрушка», а «главный панк Советского Союза», то, думаю, морду бить мне бы никто не стал.

...

У Славы Жеревчука Свинья последние годы жил в Москве. После совершенно безумной записи «Праздника Непослушания» нервы у Славы не выдержали, и он стал орать:

— Все! Заебали! Кроме Свиньи и Джонни, больше никого не пущу!

— Но ведь со Свиньей у тебя сложностей никак не меньше, чем со всеми остальными?

— Так ведь это совсем другие сложности!

И я со Славой совершенно согласен. Свинья мог спалить чайник или описаться в кровати — у него были больные почки. Да и вообще, ожидать можно было чего угодно. Но это действительно были совсем другие сложности. И по большому счету по отношению к нам со Славой он совершил только один действительно нетоварищеский поступок — это то, что он помер.

А на похоронах в продолжение моей клоунады Слава выдал свою. Когда все пошли прощаться, он подошел к гробу, взял парня за плечи, потряс его (так, что народ испугался, что гробешник сейчас свалится) и сказал:

— Андрюха, вставай!

...

Свинья говорил: больше всего он боится, что не сможет делать двух вещей: пить и петь. Так что можно считать, самого страшного с ним не случилось. Но поскольку для меня он, прежде всего, был не автором и не артистом, а товарищем, то мне его не хватает. Скучаю я без него.

На самом деле я как-то не чувствую, что парень действительно помер. То, что умерли Майк Науменко и Са-

ша Башлачев, мне понятно. То, что умерла моя мама, мои бабушки и еще множество людей, я тоже понимаю. Вернее, не понимаю, а ощущаю. А здесь почему-то нет никаких ощущений. Недавно он мне в очередной раз приснился. Будто мы с ним сидим за столом — и он вдруг говорит:

— Слушай, говорят, я тебе снюсь часто?

— Ну, да. Снился раз пять.

— Да-а... Странно.

И без особой грусти. Просто с чувством легкого удивления.

СТОГОФФ

Р Р О J F C

*StogOFF Project — гибрид книжной серии и журнала.
Каждый месяц вы получаете новую книгу,
из которой узнаете о том, что происходит
ПРЯМО СЕЙЧАС!*

ГРЕШНИКИ

Жизнь и смерть героев 1990-х

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА

Репортаж о рождении «новой альтернативы»

НАША МУЗЫКА

*Первая полная история русского рока,
рассказанная им самим*

МЕРТВЫЕ МОГУТ ТАНЦЕВАТЬ

ПУТЬ ХУНВЕЙБИНА

Хроники русской революции

SKINHEADS

История одной банды

РЕЙВОЛЮЦИЯ

Как это было на самом деле

БРОНЗОВЫЙ РОК

Рождение русского рока

МИЛЛИАРДЕРЫ

Как устроена Россия

POR-NO!

Исповедь порномагната

ДНЕВНИК ГОРОДСКОГО ПАРТИЗАНА

WWW.AMPHORA.RU

9 785367 007343

ISBN 978-5-367-00734-3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора

Фото на обложке
Дмитрия Конрадта

